

СТЕПАН МАЗУР

КВЕСТ:

ВЫЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Степан Мазур

Квест: выжить любой ценой

<https://litres.ru/74603993>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герои этих произведений получили свои «плюсы» и «минусы». В одном им повезло, в другом нет, что делает каждый вызов особенным. Квест на выживание, чтобы пережить ещё один день и окружающий мир в формате «как есть», где вероломные враги, словно свалившиеся с неба вопреки законам физики, биологии и химии добавляют градуса. Все персоны, желающие выжить, должны включить голову и использовать то, что под рукой. Важна каждая деталь! Даже мелочь может помочь или навредить. Выживи или умри, сдавшись. Второй попытки не будет. Загрузиться не получится. Это – реальная жизнь в трёх историях, где всё пошло совсем не по заранее понятному сценарию.

Содержание

Квест: зомби. Глава 1. Я – (неу)Дачник	4
Глава 2. Ночной полуниндзя	22
Глава 3. Дядя Паша	39
Глава 4. Остановка «Конечная»	53
Глава 5. Прогулка с ветерком	68
Глава 6. Полундра!	83
Глава 7. Мокрые до мозга костей	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Квест: выжить любой ценой

Квест: зомби. Глава 1. Я – (неу)Дачник

Мой персональный апокалипсис начался с дачи. В калитку посреди ночи вдруг застучали десятки рук, на ворота навалились толпой и железо жалобно заскрипело. За окнами завывали и застонали на разный лад. Гортанные голоса, тяжёлый бас, лёгкий просвист и мрачные хрипы. Музыка конца света, чёрт бы её побрал!

Я подскочил с дивана, сослепу едва не опрокинув представленный у края подлокотника костыль. Рефлекторно схватил, удержал. На секунду показалось, что это сон. Странная грань между пробуждением и бодрствованием. Но нет, грохот только нарастал!

Прислушался. Рёв и скрежет поднялся такой, словно старые ворота с калиткой сражались с полчищами бесов. Сердце бешено застучало. Страх стеганул по телу, обозначив себя липким потом на спине. По забору из старого шифера заскребли жуткие ногти или сами когти, подкинув адреналина

в кровь.

Сначала я подумал, что это какая-то стая диких животных, заглянувшая к нам в СНТ. Кому ещё захочется тратить здоровый маникюр и просто срывать ногти в кровь, чтобы поугатать дачников?

«Может, дикие собаки»? – мелькнуло в голове: «Но какого бы чёрта им делать в Садоводческом некоммерческом товариществе посреди ночи? Одна-две, конечно, могут пробежать по улицам посреди дня, брошенные дачниками. Но чтобы стая? Откуда им взяться? Из леса, что ли? Да и что им делать на нашем участке? Мяса тут нет, рыбу я не вялю, так как в это году не рыбачу, никаких привлекательных запахов посреди сезона нет, вроде шашлыков. Не до них пока. А овощи и ягоды не слишком манят животных. Разве что бурундуков, но звуки этих мелких грызунов я по привычке различаю за километр и ни с чем не перепутаю».

Неловко дёрнулся, стараясь разглядеть при свете луны в окно больше. Вроде не полнолуние, естественный спутник Земли торчит на две трети из-за тучи, но на улице достаточно лунного света, есть россыпь ярких звёзд и видно сам Млечный путь. Это нормально – видеть это в ночном небе, когда поблизости нет никаких источников света.

Наша дача как раз из таких мест – ни единого фонарного столба, ни одной будки трансформатора в округе. Пытались одно время провести свет из города за десятки километров, но затем у страны возникли тяжёлые переходные времена и

от этой идеи избавились. Как и от проводов, которые подозрительно быстро свистнули ещё в самом начале затеи.

Вот и получается, что ни света, ни столбов, ни проводов, ни перспектив обеспечения электричеством. Разве что генератор заводи или укладывайся спать пораньше, чтобы попусту ручным фонариком не светить.

– Агр! – взвизгнуло за воротами в моменте сильнее прочего.

Никакие это не собаки!

От моего резкого движения к окну костыль с грохотом рухнул на деревянный пол. Резкий, противный звук разорвал внутреннюю тишину в доме, от чего не званые гости за периметром сначала замерли, прислушавшись, а затем словно обезумели и так навалились на ворота все вместе, что те просели и вмялись железом внутрь. Отчётливо послышался хруст дощечки, которая выполняла роль засова посередине.

А я говорил бате, что надо бы где-то хоть кусок металлического профиля найти! Или трубу. Стальную. А он в ответ что? «Да не надо, кому ты тут нужен. Распиленное весло – это так, временно. Вот по осени будем забор менять, так и ворота поменяем».

Ага. По итогу от окончательного взятия ворот неведомыми силами меня теперь удерживала лишь небольшая стальная цепочка. Тонкая, как цепь на шее. Потому что тоже – номинальная защита. И да, тоже поменяем осенью.

С калиткой же ещё хуже. Стальная основа, оббитая тон-

ким железом и парой-тройкой досок по периметру для плотности. Обычно она закрывалась на массивную цепь, на которую мы, уезжая, вешали замок, замыкая цепочку такой «застёжкой». Оплетая стальную опору, цепь и замок создавали хотя бы иллюзию безопасности без хозяев на участке. Конечно, если у злоумышленника есть кусачки или хотя бы пары плоскогубцев с собой, то ничего не поделать. Кто захочет, тот залезет так или иначе. Но сейчас на цепи нет и замка. Ведь на даче я. Защитник, который всё решает. Один. В ночи. Без оружия. С костылём.

Замок разомкнут. Он просто висит на одном из звеньев цепи, тогда как сама цепь просто крепится на приваренный к трубе крючок, чтобы калитка держалась закрытой в натяге. Такой себе засов, конечно. Но от проходящих мимо соседей этого было достаточно, чтобы не докучали разговорами об урожае. Вот нужна мне их смородина и морковка?! И никто не знает точно погоду на завтра! Могут только предполагать.

Не люблю незнакомых людей не своего возраста. Не люблю пустые разговоры. Какого чёрта я тогда вообще делаю на даче посередине дачного сезона, спросите вы? Да и кто я, собственно, такой?

О, это занятная история!

Меня зовут Костя. Константин Костров. Высокий, худощавый брюнет с карими глазами. В прошлом месяце мне исполнилось девятнадцать. Я провалил вступительные экзамены в институт, не добрав одного балла. Одна грёбанная за-

пятая, выставленная за пределами положенных клеточек, решила мою судьбу на ближайшие годы. Просто не повезло, как по мне. Поэтому должен пойти служить срочную службу в армию... Точнее, должен был!

Гадать над тем, что за злой рок повис над моей головой, я должен был вот уже как пару недель в поезде вместе с другими призывниками, а затем продолжить в автобусе до военной части в соседнем регионе. Но незадолго до окончания весеннего призыва мы с друзьями так бодро отметили мой уход в армию, и так сильно переживали, что я скоро побреюсь на лысо, что я сломал ногу. А под крики «Костя ломает кости!» никуда не поехал, кроме травм пункта. По итогу – гипс от ступни до бедра, костыль под левую руку и отсрочка до осени, а то и до следующего года.

Но после недели в отделении травматологии и хирургии рассказать об этом особо некому, потому что родители решили, что лучше всего оставшееся время выздоровления я проведу на даче. На свежем воздухе, мол, кости быстрее зарастают.

«Костя срастает кости», – этим сообщением и закончилось моя последняя переписка с друзьями, когда забирали из больницы.

Точно, телефон!

Я рванул к подоконнику, прыгая на здоровой ноге, схватил гаджет и тут же попытался позвать на помощь, набрав быстрый короткий номер. Но вскоре скис. Ни палочки свя-

зи! Даже пресловутая служба спасения здесь не берёт! Раз нет света, то нет и работающих в постоянном режиме вышек связи. Ближайшая находится за речкой выше по течению и повёрнута в другую сторону, транслируя сигнал от нас, а не к нам. И сколько бы любой оператор связи не уверял в рекламе, что у них максимальное покрытие по всей стране, попав сюда ты понимаешь, что всё это позерство. А когда смотришь на перечёркнутый кружочек и телефон превращён в фонарик с калькулятором, так просто испытываешь отчаяние. Хотя до цивилизации вроде бы рукой подать.

Уже почти неделю, как я даже с друзьями не могу поговорить, вне зависимости от того, сколько раз заряжал телефон от павер-банка. Разве что могу сходить к остановке, или залезть на дерево повыше. Тогда, подкинув телефон, иногда можно отправить короткое сообщение. Но мы и так достаточно покуролесили на заброшенной стройке, залезая через заборы и прыгая с крыш, как и положено всем будущим десантникам, отчего, собственно, у меня и возник закрытый перелом, чтобы снова обсуждать это. А теперь ещё и с гипсом по деревьям лазить? Нет уж, увольте!

Пока пялился в телефон, гадая как быть, и как связаться с родителями, ворота сдались. Дверная цепочка вылетела как пуля, выпущенная из пистолета под давлением множества тел. Сама-то прикручена на четыре шурупа в доску, но та часть, куда вставляется застёжка была закреплена лишь на два. Потому что – временное решение. А нет ничего более

постоянного, чем временное.

Жалобный хруст резанул по слуху! И тут я просто остолбенел. В свете убывающей луны на автомобильную стоянку на внутренней территории, а затем на вымощенную плиткой и кирпичами дорожку, ломанулась целая толпа... людей!

Да, это определённо были люди. Но люди рычащие, как будто пародируют тигров, и люди стонущие, будто умирают, и даже люди хрипящие. Да так, как будто у многих перебита гортань.

– Что. За. Хрень? – невольно прошептал я почти по слогам и отпрянул от окна, а затем пригнулся. Как мог на одной ноге, неловко упав на бок и пряча свет от телефона.

Они приближались к крыльцу!

Обняв костыль, я пополз к другому окну. Если один оконный проём выходил видом на ворота и калитку, то другое окно показывало куст чёрной смородины. Настолько плотно заросшей, что почти заросли.

Бах!

Звук подстегнул. В дверь начали ломиться. В ту дверь, что вела в дом. На крыльце у нас нет двери, висит лишь лёгкая занавеска от комаров. А вот на небольшую кухоньку-пристройку к дому уже стоит деревянная. Условная, но всё же дверь. Но увы, она на такой же цепочке вместо замка, которой и держались до последнего врата.

Бух!

Одно батя всё же сделал по уму... Добавил ещё два шу-

рупа на крепление. От скоро расправы меня отделяют четыре плюс четыре шурупа на два сантиметра. Так у меня есть немного времени, чтобы выскользнуть в окно.

Ну как выскользнуть? Если бы вы знали с каким хрустом веток падает на куст человек в гипсе, вы бы не стали поднимать столько же шума. Однако, примяв перед собой смородину костылём, я прыгнул без раздумий, как и положено десанникам. Тут же перекатился поближе к дому и принялся отодвигать белые кирпичи. Они на даче со времён постройки. Длинные, со внутренними пустотами для облегчения общего веса изделия. Весь дом обложен такими белыми кирпичами по периметру, прикрывая нижнюю часть шиферного обрамления здания. В этом есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, выглядит как будто стройка всё ещё не завершена даже двадцать лет спустя после её начала. С другой стороны, убрав с десятков кирпичей, можно залезть под дом даже с гипсом, чем я тут же и занялся. Ведь под домом – погреб. В основном, он расположен в районе кухоньки. Там же и люк.

Прислушиваясь к топоту над головой в районе единственной комнате-зале в доме, куда ворвались странные люди, я задумался. Выбрался, спрятался. А что дальше?

Но перед этим поставил все кирпичи на место. Пусть лучше думают, что ломанулся через кусты к забору или был таков через калитку или выломанные ворота. Именно так бы поступили на моём месте все здоровые ребята около двадца-

ти лет, когда сбегали от толпы агрессивно настроенных людей посреди ночи.

Но что-то в них есть и не от людей. Не званые гости вели себя странно. Они не крушили мебель, не обыскивали старый шкаф и не били стёкла, чтобы найти источник прошлого звука или пограбить в поисках полезного. Только бесцельно были, не издавая ни одного похожего на человеческий язык слова и ходили из угла в угол. Зато бродили они постоянно. О чём мне подсказывал скрип досок.

При этом я их не видел, как и они меня. Нас надёжно скрыл друг от друга старый оргалит. Ну или древесноволокнистая плита. Мать требовала, чтобы отец красил такой пол каждый год по весне. От чего на нём образовалось с десятков слоёв краски, а сам оргалит постоянно вздувался. То от сырости после дождей протекающей крыши, то от сырости земли после того, как дом выстоится в зиму и начинает буквально тять по весне снизу-вверх, делая одну единственную комнату с внутренней дверью без замка подобной склепу. Там холодно первый месяц лета, затем душно второй и прохладно весь третий. А всё остальное время просто холодно, как в холодильнике. При этом в погребе под домом всегда сухо и комфортно из-за относительно-стабильной температуры и хорошей естественной вентиляции. Хоть винный погреб заводи.

В этот погреб я и пролез от края здания. Дом без фундамента, на сваях и подпорках, между которыми удобно лазить

ползком даже с костылём. Этакая «избушка на курьих ножках», которая должна оттаять за весну, прослужить лето в спасительной сухости от дождей и заморозиться с осени по весну, самозаконсервировавшись до следующего дачного сезона. То есть пространства здесь хватает и можно раскопать больше. Но вот в чём беда... Единственный люк выходил на кухню, прямо возле стола и ряда стульев. А они находятся рядом с дверью в комнату. И во всём доме нет ни одной НЕ СКРИПЯЩЕЙ доски.

Как же мне вылезти на кухню, не издавая шума?

Тут возникает другой вопрос. Зачем мне на кухню? Так там на полке старого шкафа лежит большой охотничий нож. Вооружившись таким, я смогу дать бой. Да, у меня нет опыта как расправиться с толпой врагов. Но мне девятнадцать, и я уже две недели как мог бегать по плацу вместе с одноклассниками, постигая нелёгкое ремесло по защите Родины. Проще говоря, мы бы не только разбирали-собирали автоматы, но и учились убивать. Пусть в теории, но психологически каждый спускает крючок именно с этой мыслью. Понимает, что в случае чего дуло выплюнет пулю и вопьётся в чьё-то тело. Ведь все мишени как раз и делаются по образу и подобию человека. Попадай в голову или в грудь – без разницы, ты уже учишься убивать, лишать жизни, отправлять в мир иной.

А что ещё прикажете делать? На мою дачу ворвались неизвестные, бродят по моей комнате как пьяные. Комнате, где я пару минут назад спал. И ещё не известно, чего бы они со

мною сделали. Так что я защищаюсь. Я имею право на самозащиту! Всё это, даже нападение с ножом на неизвестных в ночи на своей территории – самозащита!

И тут я вспомнил, что даже на даче есть мишень. Правда, в виде крысы. Я немало распечатал таких в прошлом году, пока учился стрелять из газового пистолета пульками, чтобы отгонять бурундуков от клубники. Эти мелкие бестии бесцельно грызут и уничтожают немалую порцию урожая, доводя до слёз маму. Решив покончить хоть с одним из них, я одолжил пистолет у приятеля, купил пулек и баллончиков, и изрешетил немало мишеней на бане. Правда, ни в одного бурундука так и не попал. Потому что когда улепётывают, то так похожи на Чипа и Дейла, что в голове постоянно возникает это дурацкая музыка из мультика. Я начинаю ржать, от чего прицел сбивается и в конце концов признаюсь себе, что мне жалко убивать даже бурундуков. Так-то мы все – твари божьи! А клубники у нас всё равно много. Всю не съедят.

Пока вспоминал про мишень, вспомнил также, что пистолет до сих пор в коридоре в шкафчике, вместе с банками металлических пулек и газовыми баллончиками.

Может, лучше пробраться с улицы в коридор, вооружиться пистолетом и стрелять в упор? Хотя бы по глазам! Пока баллончик новый, стреляет сносно. Может пробить кожу первыми двумя десятками выстрелов. И точно может – деморализовать противника. Тем паче – испугать. Затем вблизи костылём можно повалить на землю, добить и связать... Но

это лучше делать один на один. А что я сделаю против толпы? Ничего. Сомнут!

На улице за забором мелькнули фары, кто-то дал по тормозам перед ямой на повороте, а затем резко надавил газ. Этот звук, вспоров тишину стороннего за домом мира, переключил внимание странных существ. Они ломанулись из комнаты на улицу. Подробнее мешали увидеть кирпичи, ночь и не полностью подкопанный периметр, из которого я не спешил делать дзот или тем более – дот.

Подполз к люку снова прислушался. Тишина в доме. Все звуки на улице. Разогнулся, упёрся затылком в люк, и снова послушал. Вроде, никого.

Коснувшись лбом люка, надавил руками. Толкать снизу-вверх тяжело. Люк просто огромный. Батя сколотил из досок «двадцаток» в один слой, но такое покрытие показалось ему хиленьким. И он добавил к этому второй слой таких же досок, просто поперёк. На выходе получился люк метр на метр толщиной более чем четыре сантиметра с окантовкой из того же материала, которой валяют валенки. Такой надёжный люк по весу мало чем уступал канализационному люку. Поднять тяжело даже со здоровыми обоими ногами, упираешься, напрягаешь пресс, спину. А с одной ногой ещё тяжелее. Гипс не помогает, мышцы в нём не работают. Но выбора нет.

С трудом приподняв люк сантиметров на десять головой, я подпёр низ костылём и снова присмотрелся. Похоже, в дом

ворвались не люди. Точнее, люди, но... УЖЕ не люди.

Одно из таких существ уставилось на Луну. Глядит безотрывно в окно веранды. Но и на него свет падает, можно разглядеть больше. И я заметил, что кожа его синяя. Не тёмная, не грязная, а именно синяя, как будто синяк по всему лицу.

«Кто тебя откопал, старина»? – едва не сказал я и заметил одну любопытную деталь.

На его лице на лоскуте кожи висел погрызенный нос. Буквально висел на полоске кожи, как будто бедняга долго страдал сифилисом последней стадии. И нос вот-вот отвалится. Но не похоже, что вторженец испытывал какие-либо неудобства по этому поводу. Он качался из стороны в сторону, подвывал на Луну и словно не понимал в какую дверь выйти: на улицу в распахнутую настежь после того, как её сняли с петель, или в приоткрытую, чтобы вернуться обратно в комнату. Тогда как подсказывающие звуки пропали как на улице, так и в доме.

Но если отваливающийся нос можно было объяснить какой-то жуткой болезнью, то вывернутую ногу – нет. Неестественно подогнутая, она почти почернела, а пола касалась обнажившаяся кость. Она просто протёрла кожу, как будто существо шагало десятки километров днём и ночью по гравийной дороге, но старательно этого не замечало. А ещё на нём отсутствовала обувь, но зато были старые, протёртые до дыр носки. Как будто нечто застало мужика где-то дома или у частного дома, и он так и не успел обуться перед долгой

дорогой.

Да, когда-то это был мужик средних лет, с пузиком, носом и некоторыми амбициями по жизни, о чём говорил пиджак в тёмных пятнах. Наверняка, пятнах крови. Готов поспорить, ещё пару дней назад этот пиджак под строгие брюки висел где-то в шкафу, выглаженный и чистый. А теперь от того комплекта на мужике осталась только белая рубашка, пиджак и носки. А где потерялись брюки, можно было только гадать.

Но мужик по этому поводу не страдал. На мгновение даже показалось, что он улыбнулся, словно забыл про ипотеку и кредит на автомобиль. Но это просто так падал свет. И в следующий момент, едва существо немного повернулось в мою сторону, я увидел торчащий из горла кусок мяса вместе с вырванной гортанью.

«Да это же зомби»! – понял я, хоть и не был уверен в чём-то на сто процентов. Но как по мне, так с порванным горлом не живут даже заражённые и больные. Ведь никаких дополнительных трубок, помогающих дышать и аппаратом искусственной вентиляции лёгких, я не видел.

На пол зомби не смотрел. Тогда как я пытался оценить обстановку. Противник у меня теперь один, но это, мать его за ногу, зомби!

Кто он? Восставший мертвец? Заражённый человек? Полуживой? Или полумёртвый? Да какая разница! Важно, что это не сон и эта толпа на улице реально сожрёт меня или сде-

лает одним из своих, если не выберусь из этой передрыги. А вот полуживым или полумёртвым, я гадать уже не хочу. Уж лучше добыть нож и дать бой. Или умереть в бою.

Но дотянуться до ножа мешал люк, ставший тяжкой ношей для моей головы. Мышцы шеи уже забились, а напрягающаяся правая нога так просто молила о пощаде. Костыль-то я подложил, но хотелось увидеть больше. И я приподнял люк, высунувшись почти на треть из погребка. Однако, чтобы дотянуться до ножа на полке серванта, требовалось вылезти из погребка полностью и резко вернуться обратно, схватив искомое. Или начать махать костылём, пока не собою с полки всё подряд, включая консервы, сухую лапшу и упаковки туалетной бумаги. А где-то там, но снизу не видно, и лежит нож. Однако, офисный зомби вряд ли оценит это мероприятие и останется безучастным.

Поэтому пришлось вернуть люк на место и подождать, пока дом не покинет последнее существо.

Сев на сухую, прохладную землю погребка, я задумался. Да что за хрень произошла в мире, пока я спал? Родители уехали в понедельник утром, у них работа. Вернутся в среду, заведут продукты, соберут урожай, что выросло, и обратно поедут домой ночевать. Лишь на выходные остаются с ночёвкой. А сегодня вторник. Пошли вторые сутки без информации о внешнем мире. Плюс-минус пару часов.

Уж лучше бы я слушал радио. Или разговаривал с соседями, чем в гамаке во дворе целый день валялся! Нет, га-

мак классный, вы не подумайте. Это лучшее место на всей даче. Забраться в него можно даже с переломом обоих ног и одной руки при надлежащем опыте. Запутаться в нём, как умудрился Том из мультика, ещё уметь нужно. Но если бы я знал, что ночью на меня нападут зомби, подготовился бы получше. Да вот хотя бы в бане попарился и как следует помылся... В последний раз. А затем оделся во всё чистое и дождался своего последнего часа, чтобы не бродить в посмертии придурком без штанов по округе.

Тут меня стегануло. Точно! Какой ещё нож на кухне и бесполезный пистолет на веранде? На даче, где нет света, батя использует аккумуляторные инструменты!

Конечно, шуруповёртом много урона не нанесёшь без особых насадок. Но в их числе есть и УШМ, и электропила. На довольно мощных батареях. Так углошлифовальной машиной можно отрубить палец или перерезать горло на раздва. Круг, правда, «сто двадцать пятый». Полезной площади резки всего пара сантиметров, даже если снять защитный кожух. Но есть и пила с цепью в четыре дюйма с шагом в одну четвёртую дюйма, где площадь разреза достигает уже десятка сантиметров. Да, такой не перепилишь могучие брёвна и вековые деревья. Но сухие доски пилит как нефиг делать. Батя целую гору деревянного мусора распилил на дрова за сезон. Всё, что осталось от пары старых, самодельных теплиц. Так что я ей, хоть пары зомби не распилю, что ли?

Я тут же пополз к краю дома, где у нас стоял самодельный

душ. Не со стороны крыльца, не со стороны окон, но четвёртая сторона без оконных проёмов. Со слепой зоной для тех, кто находится в доме. Эта сторона дома более мокрая, чем другие. Как раз из-за душа. Но батя решил не делать дополнительный сток на соседний участок или под забор на дорожку, а просто оставил всё как есть. «Да чего там с пары вёдер будет-то за день? Высохнет как нефиг делать», – заявил он и теперь сколько бы душей мы не принимали вечером или среди бела дня, всё стекает под дом.

Стоит отдать должное высокой траве, которая к этому адаптировалась и впитывает почти всю воду между домом и душем. Саму её, при этом, триммером не скосишь, а руками рвать не хочется. Вот и растёт всё тёплое время, никому при этом не мешая. С одной стороны, это плохо, через неё мне уже не вылезти под душ. С другой стороны, она укрыла меня от любопытных глаз и не позволяет никому увидеть, как я выползаю за душем среди кустов облепихи хоть бы и при свете дня, а не то, что при лунном свете!

Шурша травой как тур в период гона, я выбрался из-под дома, обогнул душ и так же по-пластунски бодро пополз через выложенную бетонной плиткой дорожку к зарослям ежевики и малины. Окультуренные кусты росли в паре метров от забора-рабицы между участками, подвязанные и по возможности в пределах отведённого им пространства, которое мама периодически подстригала секатором, чтобы можно было пройти рядом по тропке, не отодвигая колючих веток и

листьев. Ведь только так можно спокойно катать себе электро-триммер на траве на колёсиках, подрезая постоянно лезущую повсюду траву. Тогда как пространство между забором и кустами ягоды заняли собой арбузы, тыква и дыня за дорожкой.

Разогнавшись, я едва не попался зомби прямо под ноги!

Глава 2. Ночной полуниндзя

Зомби стояли возле забора и словно пробовали на прочность дверку, которую батя приладил к забору от парника. Настолько условная, что может развалиться от удара с плеча, она тем не менее, обладала душками, позволяющими повесить замочек с выходом на соседний участок.

Причин ходить туда было две. Во-первых, у нас на участке у дома закончилась вода. В своё время вбили не глубоко и засушливое лето опустошило внутренний резервуар, от чего ручной качок-колонка сначала начал давать грязную воду, а затем перестал давать вовсе. И пусть в нашем регионе вода залегает не так глубоко, батя не стал забивать новый качок. Ведь он уже занимался этим у бани, у забора и ещё в двух точках. И везде воды было очень мало или она была откровенно плохого качества, годной разве что для полива. В то время как у соседей, на заброшенном участке осталась старая забитая колонка, из которой можно было накачивать во врытую в землю бочку холодную питьевую воду лучшего качества! Оставалось лишь пропустить её через питьевой фильтр, чтобы избавиться от небольшого количества песка. И можно чай заваривать на газовой плитке.

Второй причиной почему батя поставил внутренний заборчик было воровство овощей. Из теплиц, которые обра-

довавшись заброшенности соседского участка, построил не на своей земле батя, постоянно пропадали огурцы. Улыбаются проходящие соседи, здороваются, а как приедем на выходные – нету огурцов. Хотя завязи были. Ну хоть ночуй на той даче. Вот батя и натянул рабицу, замкнув периметр по контуру. И, о чудо, огурцы висят на положенных местах всю неделю. Дачники перестали забредать на участок по пути на остановку. Но стоит отдать должное родителям, в этом году они решили много не сажать и вернули все строения на свой участок. Поэтому батя теплицы и разобрал. Но тропа к качку осталась. Потому что без воды для полива растений в засушливое лето никак. А если кто снова займётся заброшенным участком, уберём и забьём новый... Наверное. В любом случае, глубокую скважину в СНТ не сделать, так как для питания моторов нужна электрификация. А генератор туда-сюда каждый раз не навозишься. Оставить же его на даче это всё равно, что оставить открытой квартиру в современном городе.

Однажды проверят.

Зомби не заметили меня сразу, так как топтались по тычке и тыкались лбом в сетку-рабицу. Тонкая, почти незаметная издалека, она словно была не видима для них и посреди ночи. А разомкнутый замочек на условной дверке на соседний участок всё же висел на обоих дужках и не позволял зомби разбрестись по соседним участкам, где от заборов вскоре одно название останется. Старые штакетники гниют

не первый год, на самих же участках разрастаются кусты и деревья, которые разрушают любую ограду, так как за ними никто не ухаживает. Деревья подают от сильного ветра, кусты переплетаются лианами и ползут по ним. Такая вот живая изгородь.

Я замер, глядя на двух зомби. Один невысокого роста, любитель тыквы. Потоптал две тыквины и теперь качается возле третьей, не решаясь наступить кроссовками и на неё. А второй толстый как будто накачали воздухом через шланг. Кажется, что ткни пальцев в пузо и взорвётся. Вот этим пузом он и тыкался в дверь, не понимая почему та пружинит на досках, скрипит «ушами» для дужек и вроде вот-вот проломится, но всё же не пускает его наружу. Так они и достигли статуса кво, каждый оставшись при своих: зомби оставался на территории, а дверь на месте. Саму же дверь батя приладил к брускам и привязал на пластиковые стяжки. Ещё во «временной» конструкции присутствовали в обилии уголки, перекрученные там и здесь шурупы. А чтобы брус сразу не сгнил у земли, батя вкопал и забил один небольшой, предварительно искупав его в гудроне, а на него сверху уже забил и к нему привязал и приделал другой, на который и вешалась дверь со всеми своими петлями. Брусок с другой стороны был выполнен по такой же конструкции и предлагал повесить на себя душку для замка, который и замыкал конструкцию. Однако, всё, что можно, батя прикрутил друг к другу и укрепил. Ветром не рвало, плечом не снести. Вот и получа-

лось, что снаружи всё выглядело «тяп-ляп», а как коснёшься, то довольно крепко стоит.

«На пару сезонов хватит», – заверил меня мой предок, передавая ключ от замочка. Периодически я ходил за забор за свежей водой и поднимал из недр колонки холодную, свежую воду, выливая из бочки старую, чтобы личинки комаров не плодились. И чтобы тропа до колонки совсем не заросла, делать это приходилось почти каждый день. Так же из бочки можно было накачать воды в душ и другую бочку на участке у дома, из которой на ночь перед сном ноги можно было помыть уже в полутьме, никуда не плутая. Но таскать воду ведрами мне не пришлось. Родители купили армированный шланг на двадцать пять метров, который не было видно в траве к дороге. Проложенный от участка к участку он сам себя замаскировал. А мне оставалось лишь взять аккумулятор от любого электроинструмента и подсоединить его к небольшому насосу. И тот за несколько минут перекачивал по полсотни литров, подавая её туда, куда надо. Как правило, одного аккумулятора хватало на несколько таких бочек. Сложнее, скорее, накачать саму первую бочку воды. Ведь ручной качок за тебя работать не будет. Но чем ещё заниматься на даче? Снял майку, упёрся руками ногами и качай. Загар получается, как побочный эффект. А если приключается дождь, то бочки у бани наливает водосточный желоб. Тогда остаётся лишь перекачать воду в бочку и в резервуар над печкой, с чем опять же отлично справляется моторчик.

Так что моюсь я каждый день. В душе ли, или бане, где париться врачи запретили, но подкинуть пару дров в печку, чтобы подогреть воду в резервуаре проблем не составляет. Потным и грязным спать не ложишься. В отличие от толстого зомби-рабочего у дверки, ноги которого когда-то были в резиновых сапогах. Но за последние дни тот, видимо, прошёл от работы столько, что от одного сапога отвалилась подошва. И выставленная на плитку дорожки нога предстала передо мной во всей красе в лунном свете.

Она была ужасна! Как будто поражена гангреной. Помимо язвы, разукрасившей ногу в тёмно-синий, от неё воняло тухлятиной так, как будто в сапогах толстяк носил рыбу, намереваясь сделать из неё норвежский сюрстреминг. К моему ужасу, выполз я аккуратно под эти сапоги и как следует вдохнул на эмоциях. Сердце бешено стучало, гоняя кровь и дышалось в полные лёгкие.

Стоило тошнотворному запаху проникнуть в лёгкие, как желудок запротестовал. Меня едва не вывернуло наизнанку! Зажимая рот обоими руками и запрещая себе блевать, я вдобавок выронил костыль, отчего оба зомби замерли и посмотрели друг на друга, а затем...

Вдоль кустов ежевики тут же шевельнулась ветка.

Зомби синхронно повернули головы на звук, а затем ломанулись к малине, увязнув и топча её так, словно шипы для их кожи ничего не значили. А едва звук раздался снова, как я понял, что спасли меня... бурундуки!

– Твою мать, Чип и Дейл спешат на помощь, – пробубнил я, тут же взяв себя в руки и проползая дальше вдоль забора среди начинающих наливаться арбузов и дынь.

Ещё зелёные, только-только начали набирать массу, но зелени вокруг уже нихросло достаточно, чтобы ползти почти не замеченным. За что я даже благодарен огороду. Никогда бы не подумал, что так скажу, но моя семейная дача буквально выручает меня!

Спрятавшись в яме, что ранее была завалена досками, а ещё раньше была выгребной, я выглянул из-за её края, как из окопа. Только каски и автомата не хватало. Те двое зомби ещё потыкались в кусты и вернулись качаться на дорожку от крыльца к душе. Обрадовавшись, что до бани теперь рукой подать, я переполз на другой край ямы и нахмурился. Возле двери, ведущей в баню, стояла зомби-женщина. Рыжая, как цветущие лесные саранки. Ей чем-то не угодила бочка с водой, и она старательно царапала её корпус, словно не понимая, почему в бочке есть дырки, но вода не утекает. А всё дело в пакетах. Дырявые бочки никому не нужны, их не украдут. А пластиковые пакеты на двести-триста литров, уложенные в такие бочки, отлично держат воду, занимая всё пространство внутри бочки и им же удерживаясь.

Чтобы пробраться в баню, надо убрать рыжую. Знаю я таких. Стережёт вход, как бывшая одноклассниц. Уж лучше держаться от неё подальше. Но в баню нет другого входа. Между баней и ямой только сарайчик два на два метра, ко-

торый батя чаще использует как дровяник. Под крышей дрова сухие, и топить баню можно даже в самый лютый дождь.

Что полезного есть в сарайчике? Старая лопата. Ей можно вооружиться, но она не заточена. Край загнут, погнулся при ударе о камень, точить надо. А где я сейчас буду лопату точить? Даже если раздобыть точильный камень, что тоже находится в бане, в предбаннике на полке, этот шум соберёт вокруг себя всех зомби в округе. А что ещё в сарае? Старая удочка? Никуда не годится! Лейка без ручки, ржавый дуршлаг, старая оконная рама? Всё это хлам, а не оружие! Именно поэтому в сарае нет даже двери. Батя просто снимает её на лето и кладёт на землю, чтобы было удобнее ходить в дождь за дровами, и трава не росла. А зимой, так уж и быть, прислоняет её на место. Но чтобы закрывать? Никогда!

Подумав, я просто протянул руку в сарай, зашарил по полу и выудил на лунный свет колышек в оплётке из ближайшего угла. Такие вбивают с землю, чтобы замерить участок под какое-нибудь строительство. Помнится, в последний раз подобные замеры были на парник. А теперь это просто удобный снаряд.

Распрямившись, я подбросил колышек над баней, метнув его так, что он перелетел часть крыши и ударился в крышу туалета за баней. Как я и предполагал, зомби тут же рванула туда, доверившись слуху. А с ней и ещё пара зомби, до этого бродившая вдоль забора из шифера. Участок-то у нас не большой, всего восемь «соток». Возможно, именно поэто-

му батя вынес забор-рабицу на соседний брошенный участок почти на метр, а то и два. Конечно, «исключительно, чтобы посадить плодовые деревья. А потом с новым соседом будем вместе урожай собирать».

С другой стороны, брошенные участки зарастают за какой-то год, а на второй там уже растут деревья. Многие дачники так и не смирились с тем, что в СНТ нет света и постепенно забрасывают участки. Из шестидесяти домов только на нашей улице за какие-то двадцать лет жилыми остались не больше десятка, остальные сдаются лесу и постепенно сгорают, отодвигаясь тем лесом всё дальше к центральной дороге. Плюс несколько огородов раскапывают только под картофель, где люди появляются пару раз за год.

Так что не вернуться хозяева. Им это уже не нужно. А нашей семье ещё пригодится.

Сначала попытался пройти между баней и ямой вдоль ряда дров и бочек, но пришлось отказаться от этой идеи. В лунном свете я как на ладони. Машущая костылём мишень. Пришлось сделать шаг в сторону грядок клубники и залечь в траншею между посадками и баней. Там водоотведение. Если залечь на самое дно, за грядками не видно. Клубника уже плодоносила, но листвы ещё много, пока не подрезали усы. Всеми подрезками мать занимается ближе к осени, в том числе подготавливая к зимовке и кусты. Батя же в это время предпочитает шашлыки и мангал... как только выкопает всю картошку с моей неизменной помощью.

Помогу ли я ему в этот год? Вопрос открытый. В предыдущие сезоны зомби не было. Можно считать форс-мажором.

Пока рыжая разглядывала сельский сортир, нарезая вокруг него круги, я осторожно выбрался из траншеи, прополз по вымощенной дорожке и распрямился у двери. Замок висел в дужках, но не закрыт. Так, суета на ночь, для вида. Только зачем его закрывать? Если кто-то полезет в баню, я услышу, проснусь, выйду и видимо начну громко кричать, испугав вора. Потому что в полицию отсюда не дозвониться, а оружие как лицензированному охраннику мне не дали. Или хотя бы пугач или электрошокер, как бывает у ночных сторожей.

Попав в баню, тут же закрыл за собой дверь. Она тут помощнее, железная основа. Дужки замка снаружи, а внутри – засов. На предбаннике так, потом на бане. Чтобы, значит, «пар не выходил», ещё и оббиты двери дерматином. Париться можно даже зимой, да кто ж станет приезжать на дачу, когда всё заметёт и по дорогам до весны будет не проехать? Чистят их не так часто: пару раз за зиму, чтобы создать видимость жизнеспособности СНТ, где всё больше участков в собственности, чем в пользовании и естественная убыль дачников, кому за пятьдесят-шестьдесят. Один инфаркт или инсульт на грядке и всё, до скорой не дозвониться. Ползи к соседям сам или отправляй гонца на остановку. А у нас конечная. Народа не так много. Рейсовый автобус стоит здесь с хмурым водителем в сумме лишь пару часов в день и больше

похож на его персональную курилку.

Закрыв дверь за засов, я посмотрел в окно. Зомби за мной не ломанулись. Уже хорошо. Но шторку лучше завесить. Окно в комнату-предбанник сразу у двери. Отличный вид на ворота и калитку. И на крыльцо. Но и тебя прекрасно видно, даже за занавеской из тюля.

Так, электроинструменты!

Отложив костыль на диван в комнате, что по сути была раздевалкой, складом и комнатой для отдыха заодно, подскочил к столу на одной ноге. На нём лежат тактические перчатки. Лучше перчаток для дачи нет! Служат весь полный сезон и другие, одноразовые, покупать не надо. В таких хоть пили, хоть траву рви. А рядом пила. С новой цепью и парой аккумуляторов.

Сразу примерил пилу по руке. Похожа на небольшой цепной меч, под одну руку. Но и вторую можно приложить, к дужке. Выглядит устрашающе. Вставил первую батарею и... скис. Обычно пила приветливо подсвечивала небольшой циферблат, отображающий уровень заряда в процентах. А он даже не засветился. А это значит, что батарея полностью разряжена.

– Проклятье! – прошептал я и тут же вытащив аккумулятор из паза, вставил другой.

Пила тут же отобразила цифру – 33 процента. Но это лишь надежда. Аккумуляторы мощные, но китайские. Вначале покажет хоть максимум, а через пару минут работы реальный

заряд. И он тоже близок к завершению. Да и какая электропила? На шум её работы сбегутся зомби со всей округу.

Мне нужно что-нибудь бесшумное, но смертоносное. Топор?

Да, он есть, в бане. Стоит возле печки. Большой колун батя увёз в гараж менять топориче, остался небольшой, чисто доску на щепки раскалывать вместо ножа. Я этот топор обычно как метательный использую. В мишень швыряю. Вместе с ножом для метания. А нож тот на кухне на подоконнике остался.

Тогда что? Вдоль стены на шурупах в ряд висят грабли, лопаты, на полке припрятан молоток, а под столом покоится бензотриммер. Плюс канистра с парой литров оставшегося топлива. Если ещё не выветрилось, можно сделать коктейль Молотова. Бутылок, правда, стеклянных, на участке нет, только пластиковые, под воду. На кухне. Зато марли, пакли и тряпок пруд пруди. А ещё висят тяпки, которыми можно размозжить голову только при большом старании. И... вилы!

Точно, «два удара – восемь дырок». Это про вилы. Острые сами по себе ещё с первой заточки, они предлагают довольно длинное древко, чтобы держать зомби на расстоянии. По сути это копьё, только с четырьмя наконечниками. Но по остроте не уступают. И как рогатину использовать можно, если на меня попрут. Тупо упру в землю и насажу на вилы как медведя, если зомби такие целеустремлённые, как при-

нято считать.

Подхватив вилы в руки, снова скис. Держать надо двумя руками. Тогда удар крепкий. О костыль будет мешать. Разве что опираться на сами вилы. Но тогда не до ближнего боя. Повалят и завалят, как пить дать.

– Останутся от Кости рожки, да ножки, – пробубнил я и открыл дверь в парную.

Это было неожиданностью для нас обоих. Для меня и зомби, который уставился на меня в окно с соседнего участка!

Раньше это окно было заколочено, чтобы соседи не подглядывали. Но когда их не стало, батя решил убрать ограждения, чтобы в бане было больше света. И да, света стало больше. Хоть до поздних сумерек без всякого фонарика парься. В целом – неплохо, но «обновка» произошла только в этом году, и я напрочь забыл про второе окно, представ перед зомби в полный рост.

Зомби взвыл и бросился к стеклу. Первая оконная рама сдалась со звоном битого стекла. Руки зомби покрылись кровью среди торчащих осколков, пытаюсь сходу преодолеть и вторую, внутреннюю раму. Зачем батя поставил и её? Так «чтобы пар не выходил»!

Лихорадочно соображая, что делать зомби, я только вилы крепче обхватил. И тут же зомби принялись стучать по входной двери и периодически мелькать возле окна у двери. Всё это я мог наблюдать через второе окно в комнате-парной, где стояла большая печка, но самого разделения на по-

мывочную и парную так и не произошло, так как у печи не там приварили трубу и у стены поставить её не удалось. Так она занимала треть помещения, в то же время расположенная так неудобно, что жар от неё опалял собой доски и однажды мы едва не загорелись вместе с деревянными попытками разграничить парную. Тогда батя и повырывал все лишние доски, а печь кирпичами обложил. Для безопасности. Большими, белыми, что порядком подъело пространства.

Выходит, я сам себя загнал в ловушку. Выход из бани один. Плюс три окна в сумме. Но первое сразу у двери, второе через пару бочек ведёт в ту же сторону и не имеет никакого смысла эвакуироваться из него. А единственное окно, которое можно назвать чёрным ходом, вероломно занято зомби в майке с надписью: «Я верю!» и изображением летающей тарелки. И этот любитель инопланетян сейчас соберёт ко мне всех зомби в округе.

– Тише ты! – попытался урезонить его я, но то без толку. Он лишь больше взвыл, приняхался и словно только почуяв меня, начал ломиться так, словно голодный на обед в столовую.

«Вот блин, придётся действовать», – невесело подумал я, перехватил вилы поудобнее в обе руки, прицелился и используя вилы как гарпун, коротки и мощно ткнул им в стекло между створок.

Металл легко расшиб стёкла, а три из четырёх остриёв распороли горло зомби. Он выкатил кровавые глаза, тут же

обхватив вилы как родные. Но при этом... не умер!

– Да что это такое?! – возмутился я громче, с трудом выдернул вилы обратно и попытался снова. Затем снова. И наконец, довершил дело.

Сначала вилы угодили под подбородок. Потом распороли щеку и насадили на себя ухо. И только с третьего удара удалось вогнать их в голову, крайним зубцом вогнав в левый глаз зомби. От чего тот моргнул оставшимся правым глазом и... затих.

Вырвав вилы, я слышал, как зомби по другую сторону бани целенаправленно выламывают дверь. А один принялся колошматить в окно, от чего стёкла дребезжали, но пока не сдавались. Встречаться с ними у меня не было никакого желания, поэтому я подхватил пилу и закрыл внутреннюю дверь. С той стороны её можно закрыть на засов, а с этом на крючок. Но он вбит как следует. И я не помню, чтобы зомби рвали дверь на себя. Так что немного времени у меня есть, чтобы унять судорожно бьющееся сердце.

Думай, Костян!

Итак, у меня вилы, пила и костыль. Гипс не в счёт. Убить им никого не получится. Но и нести это всё не выйдет. От чего же мне избавиться? От пилы? Она довольно лёгкая, можно держать одной рукой, орудуя как паладин с коротким мечом. Пригодится. От вил? Но это оружие только что доказало свою эффективность, от чего я с некоторым сомнением всё ещё разглядывал притихшего зомби, что осел по ту сторону

оконной рамы в траву, которую сколько не поливай ядом, всё равно будет расти. Правда, не так эффективно, как раньше.

Похоже, меньше всего мне сейчас нужен именно костыль. И выбив им осколки стекла, что ещё торчали в рамах, я с грохотом вынес и деревянные оконные рамы. Не сказать, что это легко, ещё и очень шумно в ночи, но позади меня и так всё больше шума. А зомби, судя по звуку, уже выбили окно и пробираются в предбанник.

Рванув на адреналине остатки рамы рукой вместе с гвоздями и шурупами, я высунул голову и осмотрелся. Снаружи на соседнем участке зомби нет. А «моим» зомби туда мешает пройти сетка забора. Эх, батя, да ты и сам не понимаешь какую надёжную защиту создал!

На самом же участке зомби мог оказаться и с другой улицы. Забор по периметру там давно на ладан дышит, весь в дырах и лазах. Я знаю, потому что сам там тырил кирпичи с грядки в прошлом году, чтобы батя однажды всё же выложил кострище-углубление на участке, где можно будет сидеть у костра в ночи на лавочке. Иначе их ждала незавидная участь быть забытыми под высокой травой. А как по мне, так любые стройматериалы должны получать шанс на вторую жизнь.

Итак, на участке никого. Вытащил здоровую ногу, затем вилы, осторожно кинул в траву пилу, после чего с помощью рук начал извлекать ногу в гипсе. Будь лангетка до колена, с этим бы не возникло труда, но нога в гипсе не гнётся, замотанная по самое бедро. Пришлось извиваться змеёй, что-

бы пролезть в небольшое окно. По итогу рухнул в траву и пополз к соседнему брошенному дому, не поднимая головы. Процент нарваться на змею среди ночи в траве не велик, но он есть. Хорошо, что напялил тактические перчатки. Руки трава не режет, колючки впиваются лишь в правое колено. Спал-то в шортах. Жара днем, о штанах все давно позабыли до осени или дождя на несколько дней. Да и какие штаны с гипсом? Шорты и носки – вот и вся моя одежда. О майке думать забыл, пока выбирался из комнаты. При себе ещё разве что телефон в кармане. На застёжке. Не вывалиться.

Гадая, что делать в соседнем доме, полз по-пластунски, одновременно пригибая траву гипсом и даже немного вспахивая землю. Всё заросло выше пояса за сезон. Никто не косит. Но для маскировки – самое оно! До качка у крыльца добрался без приключений. Зомби шумели в бане, так поглощённые штурмом, что я позволил себе качнуть воды и с удовольствием умылся и напился. От жажды я в ближайшее время точно не сгину. Жаль при себе фляги нет, чтобы набрать прозапас. Ну да кто ж знал?

Поднявшись в полный рост, опираясь на вилы и с опаской поглядывая на забор, я прошмыгнул в приоткрытую дверь. Замок на ней взломан кем-то из соседей и всё ценное давно вытащили. Но в комнате и прихожке стоит кое-какая мебель, в том числе сырой, но целый диван. И подперев дверь табуреткой, ножка которой удачно упёрлась в проём в половой доске как стопор, я задумался. А что дальше? Окна в комна-

те два. На участок и на забор. Бежать есть куда. Но если зомби придут от калитки, то перекроют оба пути отхода. Погреб под ногами я не вижу, подсвечивая телефоном. Люка нет. Но и сил нет. Я всё же после операции и пока не совсем восстановился. Тело после всего пережитого потрясывает. Кажется, начинается подниматься температура.

Пощупав лоб, я понял, что горю. Да меня знобит! Не стоило столько валяться в гамаке с книжкой и потом дочитывать последние главы на скамейке на солнце. А ещё душ принял, где вода не совсем согрелась. Ведь налил уже поздно под вечер. А баню топить не хотелось, но ополоснуться надо было, вот и помылся, прикрыв пакетом гипс. Как итог – простыл. Но по пробуждении ночью сразу этого не понял, и только сейчас догнало.

Без сил присев на диван, понял, что поплыл. Пришлось прилечь. А как лёг и едва прикрыл глаза, так сразу отрубил.

Глава 3. Дядя Паша

Проснулся словно сразу. Улыбнулся. Какой дурацкий сон! Потянулся. Но... что это за потолок в разводах? Чей это потолок? Где я?!

Подскочил и понял, что всё ещё лежу на вонючем диване, а за окном рассвет. Часы показали шестой час утра. Состояние не ахти, кости ломит, усталость такая, что двигаться не хочется. Но жить можно. И я заставил себя подняться, а затем подойти к окну, осторожно ступая на гипс без помощи вил.

Да, всё та же дача, да соседний участок. Всё в траве. И солнце встаёт из-за деревьев. Рассвет алый, как будто небо кровью полили. Весь день будет жара. И от осознания этого чая со льдом захотелось. Да где ж его взять?

Раздумывая, стоит ли соваться на улицу, чтобы умыться, я таращился в окно. Как вдруг услышал крики на соседней улице. Ну как крики, скорее это было недоумение.

– Уйди! Уйди, по-хорошему тебя прошу! Ну чего ты ко мне привязался? – увещевал хорошо знакомый голос с заметной отдышкой.

Подхватив вилы, я выскочил с ними на крыльцо, затем по заросшей тропинке воротам. Так как калитки уже не было. Она валялась в траве. А травой заросло всё то место, где мы с

батеи выкопали тротуарную плитку и кирпичи. По-соседски. На том свете почившей старушке уже ни к чему, а наследники не явятся. На западе давно живут за тысячи километров. Зачем им старая дача с покосившимся домиком посреди зелёного моря? А новый хозяин, когда заберут участок, ещё трижды подумает нужен ли он ему такой заросший. И с большей долей вероятности, всё вокруг зарастёт и лес просто заберёт своё. Со временем.

От главной дороги по второстепенной семенил толстенький дед, постоянно останавливаясь и пытаясь отдышаться. За ним медленно, но неумоимо шагал зомби с перебитой ногой. Скорость так себе, но зато постоянная. Тогда как гипотетическая жертва в начале если и обгоняла синекожего палача, то со временем всё больше превращалась в мишень, которую вот-вот догонит медленная, но настойчивая пуля с самонаведением.

Блин, что за сравнения? Похоже, сахар упал. Надо чего-нибудь перекусить.

В деде я узнал своего соседа по дому. Прикольный мужик, добрый и приветливый. Всегда на хорошей ноте, юморит. С ним есть о чём поговорить у подъезда на лавочке. А при случае родители подвозят его на дачу, порой даже забирают. Вместе с урожаем и доставляют прямо к подъезду. Чтобы не тащил с остановки. Да и я по возможности таскаю его кабачки или тыкву на этаж. В нашей пятиэтажки лифта нет, а живёт на четвёртом этаже. Мне не сложно. Старик всё-

таки давно живёт один, военный пенсионер, а нам не сложно подсобить.

– Дядь Паш? А вы чего здесь? – выскочил с вилами наперерез я, вклиниваясь между ним и зомби.

– Костюня? – прищурился дед, утёр пот со лба и бровей и залепетал словно в мольбе. – О, тебя мне сам бог послал! Костюнчик, эта пакость за мной от самой дачи плетётся. Никак не отстанет. Я как проснулся, так от него отвязаться не могу. Больной он, что ли? Никаких слов не понимает.

Дача дяди Паши находилась у соседней остановки где-то в километре от конечной. До него участков двадцать, если по прямой. Но отступал он по единственной центральной дороге, что связывали все улицы и была асфальтирована. Она тянулась вдоль речки, а уже от неё расплзались дачные улочки, где одни более-менее подсыпаны гравием или щебнем, а другие совсем заросли за время, которое за ними перестали следить. На даже такая прогулка в километр с лишним для пожилого человека – большая нагрузка.

Как бы сердечко не прихватило.

– Да не то, чтобы больной. Скорее... зомби, – добавил я, упёр вилы в канавку ручкой и с ухмылкой наблюдал, как зомби сам себя насаживает на вилы пузом. Всё дальше и дальше, вроде как не замечая опасности. Одно лезвие даже впилося ему под ребро, но он упрямо пытался преодолеть внезапно возникшее препятствие и никакого неудобства по этому поводу не испытывал.

– Как это – зомби? – не понял дед.

Дядя Паша был добрым, отзывчивым и ни в каких зомби, вампиров и прочих оборотней не верил. Скорее, он по старой привычке верил в человека. И что каждого можно вылечить, исправить или хотя бы постараться поставить на путь истинный.

– Да хрен его знает, – честно признался я. – Они просто... пришли. Ночью. А откуда и как, я сам знаю не больше вашего.

– Во дела! – воскликнул дядь Паша, с удивлением разглядывая как по вилам струится тёмная кровь, а зомби сам себе выворачивает кишки.

Я поднял осколок кирпича от забора и подошёл поближе. Придерживать вилы не было никакого желания. Зомби всё ещё стремился за дедом. Так что удалось подойти сбоку. Прихромав почти в упор, я замахнулся и треснул долговязого мужика лет сорока в шортах, сланцах и чёрной, потёртой майке прямо в висок.

То ли веса кирпича оказалось недостаточно, то ли слабо ударил, но зомби средних лет только мотнул головой и повернул голову в мою сторону. А затем, забыв про старика, зашагал в мою сторону, волоча за собой вилы сбоку.

– Костик, так он теперь за тобой весь день ходить будет, – даже расстроился дядь Паша.

– Я разве что немного его контузил. А надо было размозжить голову. Я читал, что голова у них самое слабое место.

Мозги, – добавил я, отступая от зомби шаг за шагом к воротам. Теперь передо мной дилемма. Уходить по подсыпанной гравием дороге или вернуться на участок и плутать среди травы, пока не споткнёшься в какой-нибудь канавке.

– Вот уж не скажи. Многие люди и без мозгов всю жизнь живут и ничего, – быстро принял реальность дядь Паша, глядя на то, как вилы тащатся по земле, оставляя кровавый след. – Но в Афганистане я и не такое видел.

– Я мигом!

– Ты куда? А гипс?

– Сейчас вернусь! Попробуем его распилить, – добавил я и метнулся за электропилой в домик.

Ходить по густой траве без поддержки неудобно. Зря избавился от костыля. Но кости уже более-менее срослись. Удаётся прыгать на здоровой ноге и изворачиваться здоровой ногой так, что гипсом получается подшагивать, что не очень удобно на неровной поверхности, но тем не менее, двигаешься. Другой зарядки у мироздания для меня нет.

Подхватив пилу, вернулся в море травы и буквально толкая себя вперёд вместе с гипсом, вернулся к воротам. Довольно широкие, под трактор, они представляли собой пару поперечных досок. Условность, чтобы транспорт не заезжал. Но ни них давно ни замка, ни засова, ни цепей. А человеку можно пройти, просто наклонив голову и чуть присев.

Выскочив на дорогу позади зомби-«крестьянина», который не расставался с вилами в животе, я перехватил электро-

пилу поудобнее правой рукой и с ходу пустил её в ход. Надавлив кнопку пуска большим пальцем, дальше можно удерживать лишь кнопку плавного хода, что расположена под указательным пальцем. И пока аккумулятор позволяет крутиться цепи, пили сколько душе угодно.

Рубанув наискось по шее зомби, вместо отрубленной с ходу головы я увидел лишь снятый лоскут кожи. Тут же «рубанул» снова, как следует надавив. Цепь впилась в кожу и мясо, перепачкалась чёрной жижей, словно зомби состоял из нефти, возможно, даже перерезала сухожилия, но едва добралась до костей, как тут же забуксовала, хлюпая и рыча так, как никогда раньше на всю округу. Но урона от этого было не много. Вскоре цепь вовсе застряла, а я быстро понял, что китайские малые электропилы против зомби бесполезны. Разве что позлить и позволит ему... вызвать подмогу!

– Костя, ты чего? – застыл на безопасном расстоянии дядь Паша, пока я прислушивался к звукам в высокой траве.

Зомби на моём участке разволновались и теперь принялись наседать на сетку-рабицу. А та не любит участия толпы!

– Ничего, надо уходить! Всё это – хрень! – заверил я старика и сначала бросил бесполезную пилу у забора, но затем подумав, вытащил ещё немного живой аккумулятор и сунул его в карман шорт.

Вот если доберусь до УШМ, то может чего и распилит сходу!

Зомби тем временем остановился, с недоумевающим ви-

дом потёр шею, как будто раздавил комара, и тут же повернувшись ко мне, снова пошёл на меня. Дядь Паша, уже отдышавшись, подскочил сбоку и подхватил вилы за ручку, дёрнул на себя. Но не удержал. Вилы упали на землю.

– Эх, руки уже не те, – посетовал старик. – Вроде не Паркинсон, но прежней цепкости уже нет. Вот помню в Афгане БТР вручную переворачивали с крыши обратно...

Что ещё случилось в Афганистане, я дослушать не успел. Трава на участке почившей бабки вдруг зашевелилась, и я понял, что «мои» зомби прорвали сетку.

– Уходим! – прикрикнул я, и сам бросился к вилам, припал на здоровую коленку и тут же угодил нервов по осколку кирпича, который сам же и бросил.

Боль стеганула под колено немедленно. Вроде контролируешь ногу, хочешь подняться, а нервы не дают встать. И ту-по катаешься по земле, слабый и беззащитный. А зомби всё ближе!

– Да твою ж мать, – баюкал я коленку, пока дядь Паша отвлекал на себя зомби-крестьянина, махая руками и почти прыгая перед ним.

– Сюда иди! Слышишь, чучело ты безобразное! – кричал он, толком не обращая внимание на соседний участок, где трава шевелилась всё ближе и ближе.

– Дядь Паш... уходите, – бесполезно катался в по земле, лишь пачкая гипс.

– Ага, уйдём... вместе, – добавил он, обошёл хромающего

зомби и подхватив вилы обоими руками, без всякого сомнения загнал лезвия зомби в голову. Прямо в висок.

Зомби некоторое время ещё открывал рот, елозил руками по вилам, но затем... затих. Тело осело на землю.

– Похоже, один готов, – подытожил дядя Паша и ловко извлёк вилы из зомби.

Тут кусты позади него шелохнулись.

– Осторожно, сзади! – крикнул я, первой разглядев рыжую. Толстяк нагонял её следом. А последним оказался рябой зомби, новичок в этой стае. Или я просто его вчера не разглядел.

– Вот так компашка пожаловала, – потёр лоб дядя Паша и выставил вилы перед собой, резко развернувшись к новой угрозе. – Костя, вставай!

Я дёрнулся, но новый приступ бессильно отбросил на землю. Покатился от боли.

– Константин! Быстрее! – поторопил сосед по дому, даче и в принципе неплохой человек по жизни.

Но зомби было всё равно, кто перед ними. Они пошли на него, окружая. Если рыжая с толстяком вывалились из-под ворот, то рябой вышел чуть поодаль от ворот, переступив через когда-то существующую калитку, а теперь лишь то, что от неё осталось.

– Дядь Паш, уходите огородами! – крикнул я и лучше бы этого не делал, так как толстяк тут же повернулся и пошёл на меня, хлюпая сапогами.

Запах надвигался вместе с ним.

– Да твою мать, – добавил я и заставил себя подняться через боль, помогая себе руками, опираясь на столб на заборе. Если большая часть деревянного забора уже представляла собой условность и держалась на святом духе сгнившими штакетинами, то закопанные в землю столбики служили дольше. Чисто из-за толщины. Но и они уже погрызены короедом. Не долго осталось.

– Костик, беги к дому!

– Там зомби.

– Тогда вокруг, – подкорректировал дядя Паша, отступая от рыжей, и не позволив рябому замкнуть кольцо, ломанулся в траву. А напоследок швырнул через голову рыжей вилы. – Держи! Встретимся на дороге по пути к остановке! Я обойду по дуге.

Вилы можно метать как копья. Это я понял, когда те описали дугу и остриём воткнулись в землю неподалёку от меня. Очень своевременно, так как теперь у меня две больные ноги. И мышцы правой уже перетруждены, а колено может в любой момент подвести.

Подхватив вилы и опираясь на них, как на посох, я засеменял по зарастающей дорожке к дороге. На этой улице все пенсионеры. Автомобили не ездят. Стричь траву некому. И всего за сезон трава так поизмывалась над дорогой, что практически осталась лишь хоженная тропинка, которая, увы, зарастёт, когда последний дачник тут скажет «с меня хватит».

И СНТ сократиться ещё на одну улицу. Такое уже было с крайними улицами за конечной остановкой, где теперь лишь грибники и сборщики дикоросов ходят.

Травма колена сказалась. Запнулся о кочку, упал. Пока поднимался, толстяк нагнал меня. Тогда как рыжая и рябой отправились в кусты ловить дядю Пашу. Может, я зря выкинул пилу? Она бы сейчас пригодилась.

Вспомнив, что в кармане аккумулятор, достал, метнул его в зомби. Угодил прямо в лоб. Толстяк задрал голову, как будто пытался сообразить откуда звон в ушах. И в этот момент я коротко и быстро выставил вилы перед собой, угодив прямо в горло. Затем извлёк и ударил снова. Уже в череп, угодив под нижнюю челюсть.

Челюсть зомби перекосило. Хирург бы сказал, что это смещение. Теперь толстяк мычал только протяжное «гы-ы-ы», сбавил скорость, но всё равно шагал на меня.

Пришлось повторить.

Вилы угодили в глаз. Но видимо недостаточно глубоко. Так как движение не прекратилось.

– Гы? – словно спросил меня зомби, вроде как саркастически ухмыляясь.

Понять интонации и выражение лица теперь было сложно.

– Вот тебе и «гы»! – рывкнул я, треснув рукояткой следом в переносицу, так как мы снова опасно сблизились, а когда толстяк снова задрал голову, ударил вилами чуть ниже лба.

Зомби вдруг застыл и глаза остекленели. И тут я понял,

что получилась экстренная лоботомия! Увы для пациента, посмертная. Грузное тело завалилось в траву, отключив толстый зад и босую пятку из-под порванного сапога.

– Приятель, надо было налегать на приседания, - укорил я, смахивая пот со лба. – В посмертии выглядел бы лучше.

Утро только начинается, а уже роса, духота и сырость. К полудню мир превратиться в пекло. Но до полудня я не доживу, если не добуду себе хоть глоток воды.

Вроде, с обилием качков и рекой под рукой это не сложно. Но вода в реке ржавая, через неё протекают все стоки с полей. И пить такую без очистки нельзя. А качок ещё не на каждом участке стоит. Некоторые просто ставят большие резервуары, где собирается дождевая вода с крыши. И одним из таких некоторых были мои соседи по улице. Прямо напротив. Пожилая пара. Пенсионеры. Он дальнобойщик, она давно не работает, и появляется на даче вдвое чаще. А когда муж дома, привозит её на автомобиле. Он и дачу-то взял ей, чтобы не тосковала и нашла чем руки занять. Хотя бы в тёплое время года. А зимой, видимо, в бассейн ходит. Ну не знаю я чем пенсионеры занимаются. Дядь Паша, вот, сериалы смотрит всю зиму и к даче готовится, а потом полгода живёт дачей.

С опаской зайдя на участок соседей, я прошёлся по подсыпанной щебнем дорожке к крыльцу. Резервуар за домом. Ёмкость, в которую раньше засыпали зерно в зернохранилищах. С заваренным дном и приделанным краном, который

отвинчивался тремя пальцами. Обычно, такие ёмкости ставят на дачах, где подземная вода залегает слишком глубоко. Например, на сопках или склонах гор. Но ёмкости почти на полтонны хватает, чтобы заливать весь огород на восемь соток хоть каждый день, при условии, что хорошие дожди будут идти хотя бы раз в месяц.

Открутив кран до предела, я сначала умывался. Вода тёплая, противная, но ничем не воняет. Просто долго стоит, железная ёмкость нагревается за день и не даёт остыть даже ночью.

Сначала прополоскал рот. Потом хлебнул. Пара глотков не повредит. Взгляд упал на поросли огурцов. Призывно висят, манят. Не удержавшись, схватил один, захрустел.

Сочный!

Ладно, думаю мир, в котором появились зомби, уже не спросит почему у соседей пропадают огурцы, и кто шарится на твоём участке.

К моей полной неожиданности, кусты зашевелились. А затем из-за теплицы, куда они росли вдоль «огуречника», показалась голова соседки в панамке.

– Тёть Оль, здравствуйте! – выпалил я, не ожидая, что рядом есть выжившие.

– Ар! – ответила та и пошла на меня. И вместо того, чтобы обойти свою конструкцию по подсыпанной тропинке, принялась ломать и крушить все насаждения, подвязки и завязи с плодами. Чего трезвый дачник в здравом уме никогда не

сделает на своём участке.

Тут-то я и заметил, что шею соседки словно волки погрызли, а левая рука неестественно вывернута в локте. Как будто покусали её при падении.

Это была уже не скромная, застенчивая соседка в панамке, а серокожее существо с гематомой на лице и в просторном бюстгальтере, в который можно было собирать по ведру картошки и использовать как сумки-транспортировки в каждом из отделов. В таком соседка загорала на участке, когда думала, что никто не видит. Но как можно не видеть, если твоя дача первая у центральной дороги, а деревянный забор ставили лет десять назад и ни разу не обновляли?

Нет, я не смотрел. Меня не интересуют старушки. Одно ясно – дача её больше не интересовала, как воры и огурцы.

Зато интересовал я!

– Тёть Оль, может не надо? Это же не из-за огурцов, да? Это же мелочи жизни! – пробормотал я, впервые осознав в душе, что в зомби превратились не только какие-то посторонние люди, но и те, кого мы знаем и часто встречаем. А то и вовсе – родные и близкие.

Тут сердце сжалось в предчувствии, что с родителями тоже могло что-то случиться. И друзьями. И всеми, кого знал и имел честь жить рядом.

– Ар! – повторила бывшая соседка, ныне член шагающей орды в СНТ, которая тоже видимо, скоро посинеет. А пока serene ходит... Новенькая?

Стараясь не смотреть на массивный бюстгальтер, я крепче перехватил вилы. Из уважения к соседям, убить её надо с одного удара. А сделать это лучше сверху-вниз. Оглянувшись, я тут же шагнул к крыльцу и взобрался на пару ступенек. Вот так, когда на две головы выше её, легче целиться.

Удар!

То существо, что когда-то было тетей Олей, замерло, как человек, наткнувшийся на гвоздь. Только этот «гвоздь» теперь торчал у неё из глазного яблока. И ударил я что надо. Она ещё постояла некоторое время, а затем свалилась. На крыльцо без сил осел и я.

Руки дрожали. Дрянной опыт. Уж лучше бы такого никому не пережить!

Глава 4. Остановка «Конечная»

Ольга была приветливым человеком. Всегда здоровалась. Хотя бы в ответ, когда замечала нас у калитки. Или махала, когда отпирали ворота. Может, немного глуховата и не всегда замечала нас, стой хоть у забора и руками маши, но никогда не отворачивалась, когда встречались с ней взглядом.

А теперь что? Бывший человек лежит возле своего крыльца с неестественного цвета кожей, погрызенной шеей, один глаз открыт и смотрит в небо, другой вовсе на вилах торчит...

– Ну и гадость, – пробормотал я, снял его с острия и вернул на место, заодно прикрыв оба.

Глаза довольно плотные, не растекаются. Скорее, как пожаренный белок, чем как сваренное вкрутую яйцо. Но едва вернул его на место, как понял, что молитв не знаю. Нечего мне сказать ей на прощание. Но и так нельзя. Надо похоронить человека!

Нельзя просто так валяться после смерти у крыльца дачи, которой отдал немало лет здоровья и терпения, и сушиться на ветру и солнце, да гнить под всеми дождями-туманами. Возникло желание вернуться к себе на участок и взять лопату. Но тут же вспомнил, что лопата для копки сломалась, затупилось острие и без молотка не исправить. Об этом ещё

батьа говорил. А остальные лопаты скорее для того, чтобы раскидывать гравий, песок, щебень. Или мешать и переливать раствор в баке, пока не затвердеет. Такой копать яму заманешься. Тяжёлая. А у меня и так одна нога рабочая. Руками же особо острие не воткнуть, дёрн не скрыть.

Но тут же возникла разумная идея, что лопата может быть и на даче Ольги! Соседи постоянно что-то копали, сажали, рыли и подкапывали. Не без участия лопат, разумеется. И в поисках искомого я тут же зашёл в дом, прислонив вилы к стене.

Крыльца как такового у этой дачи не было, лишь пара ящиков-паллет стоят друг на друге, имитируя ступеньки. Комната-прихожка больше похожа на склад, который готовили для готовой продукции. Повсюду ящики, мешки, пакеты и банки. Никакой кухни и газовой плиты, как у нас. Но и лопаты я не заметил. Только старый черенок от неё, как будто планировали приспособить под колышки для подвязки помидор вместе с россыпью остальных палок, которые притащили в дом подальше от дождя. Так как своего сарая на участке у соседей не было или места с крышей, куда можно сложить барахло. Разве что сортир. Он довольно большой, стоит в углу участка у леса, неподалёку от компостной кучи.

Прошёл в жилую комнату. Там старый диван, старый молоток, ручная небольшая тятка в разобранном виде на табуретке с парой гвоздей на замену, и склад консервов в углу. Подошёл, глянул. В основном тушёнка, рис с кашей, рыбные

консервы. Не удержавшись, взял шпроты, прочитал дату изготовления. Упаковке пять лет. Ну да что ей будет?

Удачным приобретением оказалась открывашка на подоконнике и полбуханки хлеба на столе. Открыл, взял вилку, лежащую рядом. Вытер о шорты и с аппетитом умял полбанки и четвертину хлеба. Промасленная рыба провалилась внутрь, отогнав голод. Тогда как вторую часть консервы пришлось уже запихивать в себя, чтобы не оставлять мухам. Кому как, а мне после вида зомби уже не испортить аппетит. Спокойно мог бы работать патологоанатомом или могильщиком. Вот вторую работу сейчас заодно и освою, если лопату найду.

Решив поискать в районе туалета, вернулся на участок. У нас в туалете, например, под крышей и старая арматура покоится, чтобы под дождём на ржавела. В отличие от деревянных колышков, прослужит ещё полсотни лет, прежде чем окончательно проржавеет. А дерево что? Сезон-другой и нет тех колышек. Если спецсоставом не покрывать или лакировать, да кто тем будет заниматься? Пластиковые колышки хрупкие, есть ещё вариант брать для подвязок арматуру из стекловолокна, она тоже бессмертная и не марает рук, такая даже не нужна сборщикам металла, но это уже дорогой вариант.

Что-что, а дорожка к строению от крыльца подсыпана широкая, удобная. И проигнорировав вилы как костыль, я смело захромал к толчку. Но едва распахнул дверь, как обомлел.

Действительно, краем глаза успел уловить, что на стене висят лопаты и тяпки, но всё это перечеркнул синий, толстый мужик, который сидел на ведре, приспособленном к дыре в досках. Он вдруг распахнул глаза, оскалился и рванул на меня... забывая вернуть штаны на причинное место.

Только эта оплошность пожилого соседа и уберегла от внезапной атаки. Потеряв бдительность, я сначала рухнул на зад, затем пополз прочь. И атакуй меня зомби попроворнее, как уже придавили бы своим весом. Ведь весил дядя Виталья немало. Поперёк себя шире, он едва помещался за сиденье внушительного внедорожника. Отёкшие ноги, огромный зад, безразмерное пузо. Типичные болезни дальнобойщиков, что гоняют фуры месяцами через всю страну туда-сюда. И кажется свой последний день сосед встретил на толчке с запором, да там же и помер.

Но что же получается? Теперь каждый становится зомби? Никаких укусов и ран на нём я не заметил. Забыв про штаны, Виталий вывалился из сортира, рухнул и пополз за мной, выставив руки перед собой. Подскочить и добрести до вил не составило труда. Затем подошёл с ними в упор и чуть сбоку. И загарпунил голову одним ударом сверху-вниз. Сосед рухнул на пузо, широко раскинув руку, обмяк и затих. Осталось лишь прикрыть глаза. Но оперевшись при наклоне на вилы, я заметил широкую трещину на рукоятке. Похоже, долго моё оружие на продержится. Надо искать другое.

Теперь соседи лежали у крыльца вместе, в метре друг от

друга, раскинув руки по направлению ко второй половинке так, что кольца супругов блестели на солнце. Но снимать их не было никакого желания. Я не из мародёров и к блеску золота безразличен. Мир УЖЕ стал другим и золото теперь значит не больше, чем любой другой металл. К тому же умиротворяющая картина, как по мне. Надеюсь, они нашли друг друга по ту сторону и снова вместе.

Снова дала о себе знать температура. Пощупав лоб, я тут же себя по нему и ударил.

– Ну конечно, машина! На чём-то они же сюда приехали!

То есть если тётя Оля и могла приехать на рейсовом автобусе, то её супруг – никогда. Либо на личном автомобиле, либо «Ой, а он в рейсе».

Ключей в доме я не обнаружил, кроме связки от квартиры. Но чего-то похожего на брелок с сигнализацией – нет. Пришлось склониться над мужиком без штанов и пошарить по карманам. Вернуть их на место не было никакой возможности, так как поднять или хотя бы перевернуть тушу свыше сотни килограмм для меня сейчас не предстояло возможным. Но ещё на даче обнаружилось жаропонижающее в мини-аптечке, и я сразу заглотил две таблетки, запив тёплой водой с бака.

По иронии судьбы ключи оказались в заднем кармане. Край ключа торчал из-под массивной ноги. Пришлось использовать вилы как рычаг. Слово лом подсунул под Виталия и навалился сверху. Жутко неудобно в гипсе. Тело, од-

нако, подалось и удалось вытащить ключи. А вот вилы подобного отношения не пережили. Сказав «хрусть», черенок переломился у основания, где ранее был вкручен шуруп.

Ладно, вилы мне больше ни к чему. Сейчас сяду в автомобиль и уеду домой. Прав нет, но водить умею. Да и кому теперь какое дело до водительских прав? По пути только дядь Пашу подберу.

С этой мыслью снова вышел на нашу общую улицу. Сиреневая. Что ни говори, а сирени растут на каждом участке. Уже отцвели, но всё же.

Глянул на наш забор и проломленные ворота. Да, там костыль и нож, там пистолет и провизия. Прихватить, что ли, с собой? Но у бани видно зомби, который портил тыквы. Стоит, качается, словно прячась от восходящего солнца.

– Тоже мне нашёл тенёк, – пробубнил я и не рискнул заходить на территорию.

Машина ведь где-то тут, близко. Раньше сосед ставил её в траву у забора прямо сворота-въезда на нашу улицу. Но после его очередной командировки место заросло так густо, что и внедорожник не поставить. И я пошёл вдоль забора соседа в поисках, гадая где он припарковался.

Белый корпус внедорожника с высоким клиренсом торчал из-за старой осины. Растительности вокруг столько, что сразу и не заметить. А сосед, похоже, пытался прорубить себе место к забору со стороны центральной дороги и даже расчистил площадку бензотриммером, который торчал краем из-

за стекла в багажнике. Походило на то, что хочет сделать заезд на свою территорию прямо с дороги, так как на нашей улице дорога узкая и кусты так плотно обрастают края заборов, что для тех, кто не косит, ни за что не развернуть автомобиль, чтобы заехать с центральных ворот. Да и автомобиль коротким не назовёшь. Так что подход правильный. Центральная улица с широкой дорогой позволила бы ему заехать-выехать без разворота... Но тут наступил зомби-апокалипсис, а сосед просто не смог расслабиться.

Сняв с сигнализации и вставив ключ в зажигание, я приподнял бровь. Бак почти на нуле. Лампочка пока не горит, но либо решил после заправиться, либо сливал бензин, чтобы заправить бензотриммер. Не зря же рядом с «косилкой» в багажнике валяется вонючий шланг и пустая канистра. А насколько я знаю, в подобном автомобиле нет защиты от сливания бензина. Как нет и места для хранения очков у козырька. Не полная комплектация.

Однако, у автомобиля была автоматическая коробка передач и двигатель работал. Что ещё нужно? Потому с трудом забравшись по ступеньке, даже с гипсом наперевес, я занял водительское сиденье. Даже отодвигать ничего не пришлось. Толстый водитель мне сыграл в плюс. И рабочая правая нога оказалась как нельзя кстати.

Поправив зеркала под себя, пристегнулся и посмотрел в зеркало заднего вида. Что ж, речка всего лишь через дорогу. Если замкнёт газ или что-то другое пойдёт не так, улечу

с обрыва. Лететь не далеко, всего метров пять, но речка холодная, быстрая. С гипсом уже не выплыву. Я и здоровым то туда никогда не совался купаться в этом месте. Ниже по течению вовсе впадает в горную, где вода ещё холоднее и ещё быстрее.

– Ладно, это обычный механизм. Просто не надо спешить, – сказал я себе, включил задний ход и тут же вдавил тормоз, не позволяя автомобилю резко рвануть с места.

Затем постепенно отпустил. Но автомобиль остался стоять на месте, как привязанный.

– Что за чёрт? – пробурчал я и понял, что дорога не ровная, не подсыпанная. По сути сосед просто избавился от части травы и загнал внедорожник на кочки и канавы. Любая могла удерживать колёса.

Пришлось поддать газку. Корпус закачало, колёса закрутились, но без особого результата. Клиренс уже не имел значения там, где машина просела из-за большого веса, и роса мешала сцеплению летней резины с поверхностью.

Зато шум привлёк зомби! От нашего участка пожаловал уничтожитель тыквы в кроссовках и замолотил руками по багажнику.

– Тебя ещё не хватало! – возмутился я, и вдавил педаль газа уже на полную.

Автомобиль обиженно рванул с места, подмяв любителя тыкв под колесо. Переехав его, как бревно, я тут же врубился в дерево по другую сторону дороги, так как не провернул

руль. Пришлось приоткрыть дверь и выглянуть наружу. Зомби разmozжило голову между колесом и здоровым полувековым дубом, который уже лет двадцать как начал склоняться к реке, но могучие корни отодвинули решение этого вопроса ещё на век-другой. В то же время дачники не докучали дубу из-за пологого спуска к нему, предпочитая срывать ветки для заготовки веников у молодых дубков, что росли прямо у дороги.

Я и сам любил этот дуб и никогда даже мысли не допускал, чтобы сделать с него тарзанку и сигать в речку. И речка не та по чистоте, глубине и скорости потому, и выбираться долго и сложно. И утонуть можно в один миг. Но дуб, видимо, думал иначе. И спокойно рос рядом с водным потоком, заодно спас меня от не мотивирующего купания в реке.

На всякий случай вдавив тормоз и переставив автоматическую коробку передач с заднего хода и на этот раз выкрутив руль, я снова дал по газам. Помятый автомобиль обиженно подвывал, и крутил задние колёса, хотя я точно видел, как он стойко цеплялся передними колёсами за край дороги.

– Ты полный привод или как? – возмутился я, не понимая, что не так.

Мне бы в интернет зайти и узнать, что постоянный задний привод правит бал, с жестко подключаемым передним мостом и понижающей передачей. Но никакой автоматики.

– Работай, давай! – добавил я и принялся крутить подозрительно выглядывшие кнопки в салоне, что даже сработа-

ло. Ведь подключать передний привод можно было с помощью рычага раздаточной коробки или поворотной шайбы в салоне, на которую и наткнулся.

Передние колёса тут же впились в землю и принялись разбрасывать землю позади себя.

– Ага, пошёл! – понукал я автомобиль как коня, пока тот не вылез из кустов. Распрощавшись с деревом, я вернулся на дорогу и поехал по направлению к конечной остановке. Ведь конечная она лишь для рейсовых автобусов, а дорога ещё тянется вдоль реки, создавая ответвления-улицу, пока сама центральная улица не обогнёт СНТ, закрутит и упрётся в лес за полями, дав лихой изгиб.

Первый сворот проскочил на скорости, но уже подъезжая к остановке, пришлось почти остановиться из-за большой ямы на дороге, с которой не каждый внедорожник справится погодя. Дорогу за пределами автобусного маршрута давно не поддерживали в рабочем состоянии. Сбавив скорость, я невольно повернул голову в сторону остановки и обомлел. На её старой, ветхой крыше стояла девушка с рюкзаком за плечами и активно махала руками. Под самой же остановкой стояли хорошо знакомые мне рыжая и рябой зомби, пытаюсь залезть повыше и достать до заветной цели. Но высота остановки, старые трубы и профили, на которой держались железные листы укрытия, не давали им и шанса, плохо приспособленные для лазанья после смерти.

А девушка, скорее всего, залезла с перепуга.

– И рюкзак прихватила, – невольно пробормотал я, и почти остановился у края асфальтированного пяточка, где разворачивались автобусы.

Решив, что места хватит и мне, взял слишком широкую дугу, и тут же сшиб правое зеркало о торчащую ветку дерева.

– Да твою ж мать! – добавил я зло и так лихо надавил на педаль газа, что сшиб, подбросив на капот, сначала рябого, а затем пригвоздив к скамейкам уже в самой остановке и рыжю.

Автомобиль резко дёрнуло, меня ударило о руль. Но подушка безопасности не сработала и как следует приложило верхней частью живота и рёбрами.

«Не заправлена», – понял я, потирая ушибленные рёбра. Похоже, этот автомобиль уже побывал в аварии.

Поморщившись, открыл дверь. Выглянул. Рябой крутил шеей на капоте в разные стороны, неестественно изогнувшись, как будто удар о бампер сместил ему позвонки. А рыжей теперь было две. Верхняя часть подгребала руками, размазывая кишки по лавочке, а нижняя успокоилась и упокоилась под колёсами автомобиля.

Вытащив из кармана открывашку, я тут же ткнул Рябого в висок. Снова. Ещё. Пока на зatih. Затем подошёл к рыжей, собираясь добить и её. Но она держала на расстоянии, так бодро махая руками с длинным маникюром, что решил не рисковать.

«Эта – явно гостья на даче и просто к кому-то приехала

на шашлыки. К тому же, вряд ли скидывалась... красивой была», – понял я и снова выйдя из-под козырька остановки, задрал голову.

Девушка смотрела на меня с надеждой.

– Вы в порядке? – обронил я, заслоняя рукой лицо от солнца.

В лучах восходящего света толком не видно, сколько лет человеку. Но глаза точно горят надеждой.

– В полном! – ответила та и тут же представилась. – А что насчёт тех двух?

– Один ликвидирован, а вторая... обезврежена, – отчитался я.

– Отлично! – голос девушки зазвенел. – Они меня так перепугали... А меня Маришей зовут. А вас?

– Костя... Эм, Константин Костров, – просипел я, поглаживая рёбра.

Синяк будет размером с Амстердам.

– Ну что ж, Константин, а вы... – она сбилась. – ...вы не можете мне слезть с этой жуткой остановки?

– А как же вы туда залезли?

Она молча повела рукой в сторону. Мне пришлось показаться под её очи полностью, чтобы разглядеть дерево за остановкой, позади козырька.

Конечно, Мариша хорошо разглядела гипс.

– Ой, а вы ранены? – забеспокоилась она.

– Нет, это давно. Я просто с больницы. На даче жил... вы-

здороваливал, — старался говорить я как можно короче, пытаюсь не думать о том, что случилось под гипсом с ногой.

Буду надеяться, что кости остались на прежнем месте. Иначе фраза «Костя ломает кости» станет моей «короночкой».

— А, поэтому вы так плохо водите?

— Ну как плохо... я просто в первый раз за рулём, — оправдывался я, пока не заставил взять себя в руки. — А вы будете слезать?

— Ой, и правда.

Мариша фактически слезла сама. Мне просто сначала пришлось говорить ей куда ставить ноги на ветке, пока прижалась всем телом к стволу дерева, а затем подхватить и удержать за ступни, пока не сползла мне под руки.

Но едва ощутив под ногами твёрдую землю, отстранилась.

— Прости, Костя. У меня... парень есть, — добавила она, отвернувшись и выдерживая дистанцию.

— У меня... тоже, — зачем-то сказал я, хотя так и не предложил Юльке встречаться.

А теперь и не предложу. Уж лучше бы ждала с армии в прошлом мире, чем куковала в мире пост-апокалипсиса или чего похуже.

А ведь всегда может быть хуже!

Быстро перейдя на «ты», и даже обнявшись без майки на мне, мы тут же и забуксовали в продолжении развития отношений. Мариша просто вернулась к машине и теперь во все

глаза разглядывала Рябого. Сама она была не высокого роста, ниже меня полторы головы. В кроссовках, топике, бриджах, перчатках от велосипеда и с рюкзаком. И тогда я понял, что зомби-апокалипсис застал её за велосипедной прогулкой. Правда, велосипеда рядом не видел.

– Ой, а ты его кокнул?

Плечи расправились сами собой. Горделиво. И нижний подбородок невольно выдвинулся.

– Ага, открывашкой. Можно считать, что вскрыл.

– А ножа у тебя, что, нет?

– На даче остался. Но там... зомби, – снова потёр я рёбра, ощущая, как расползается гематома и как слишком резко расправил плечи. Пришлось снова согнуться буквой «зю». – и Костыль там, – добавил я тише и тут же вспомнил о важном. – А ты не видела такого пухленького, весёлого деда по дороге?

– Никого я не видела, – на миг повернулась ко мне Маришка и тут же её внимание полностью завладело рыжей. – Кроме этих. Еду себе тихо на велосипеде. В наушниках с шумоподавлением, рассвету радуюсь, никого не трогаю. Машин вокруг никаких, птицы летают, красота! Как вдруг этот на капоте как выскочит из кустов! А потом и эта выбежала. И давай за ноги хватать. Я велосипед со страху бросила, и побежала со всех ног. Пока до остановки не добежала. Повернулась, а они за мной идут. Ну и... залезла. Со страха.

– То есть вчера вечером ты была дома? – уточнил я, рас-

считывая получить больше информации о произошедшем, так как на радио батарейки ещё два дня назад кончились. Родители обещали в среду привезти.

— Нет. Я путешествую немного. К соревнованиям готовлюсь. Надо накрутить двести километров на педалях. Тренер задание дал. У меня и палаточка с собой. Одноместная, если что. В лесу ночевала, на карьере. Семидесяти километров не хватило, чтобы домой ехать. А тут выпалась, накупалась в ночи. Дай, думаю, покатаюсь пораньше, потом дома под кондиционером отосплюсь, как вернусь к обеду. Но тут...

— ... что-то пошло не так, — добавил я кисло и ухмыльнулся.

Теперь надо придумать как добить рыжую, не травмировав психику девушке-спортсменке. Всё-таки велосипедисты в новом мире пригодятся. Как и марафонцы. И любители спортивной ходьбы.

Глава 5. Прогулка с ветерком

Оказалось, что рыжую добивать смысла нет. Я вернулся за руль и сдал назад. Немного помятый, но не потерявший боеспособности автомобиль, снова заурчал мощным мотором и откатился, оставив половину зомби на скамейке. Однако, ползала она на руках заметно медленнее, чем шла на ногах.

Можно просто бросить тело. Это лучше, чем рисковать попасть под укус зомби с открывашкой в руках. Быть поцарапанным тоже нет желания. Мало ли как передаётся эта зараза, что делает из людей зомби? Проб никто не ставил, тестов не проводил, да и мы не учёные, чтобы заниматься исследованиями.

Развернувшись и подобрав Маришу в десятке метров от остановки, я поник. Бензобак показывал около нуля, загорелась красная лампочка.

– Это плохо, да? – тут же спросила Мариша, присев рядом на пассажирское, но не торопясь пристёгиваться. Вдруг ещё придётся куда-то бежать, к безопасности теперь отношение особое. Порой проще открыть дверь и дать стрекача, чем сидеть и ждать, пока тебя схватят зомби из леса.

Я повернулся, не зная, что толком ответить. Она была русой, с длинными волосами и зеленоглазая как будто два изу-

мруда горят на солнце. Красивая как по мне, но... занята.

– Ну, километров на двадцать-тридцать ещё должно хватить. Не знаю какой у автомобиля расход, но производитель всегда оставляет запас, чтобы добраться до ближайшей бензоправочной станции.

– Тридцатка! Да нам дважды хватит доехать до города.

– Да, но сначала надо заехать забрать дядю Пашу. Его дача у соседней остановки.

– Так чего же мы ждём? Едем! – уверенно заявила Мариша и на этот раз пристегнулась. – Ты ведь можешь управлять автомобилем с гипсом?

– Не, не то, чтобы совсем удобно. Но и траффика сейчас никакого, не так ли? – хмыкнул я, пытаюсь сильно не газовать на ямах и обруливать самые большие выбоины.

Похоже, немного она мне всё же доверяет. А ещё ей интересно, боец я сейчас или нет.

– А кто такой дядя Паша? Брат твоего отца?

– О, нет. Просто хороший знакомый. В одном доме живём, мы его на дачу возим часто. Мужик «во»! – добавил я и показал большой палец. – Он должен был на дачу отступить, пока мы от зомби убегали. А дядькой я его зову так, просто.

– Разминулись, значит?

– Скорее, нас заставили разминуться. Проклятые зомби! Надеюсь, с ним всё хорошо! – лишь добавил я, так как больше поговорить не удалось. Из-за поворота выглянула красная железная остановка в дырках, как будто в неё стреляли

из автомата, но со всё ещё сносной крышей, так как чинили её каждую весну сами дачники, не желавшие стоять под дождём даже после чьей-то перестрелки.

Проблема была в заездах. Некоторые улицы подсыпаны гравием и сдерживают траву, тогда как другие заезды, где дач совсем мало, узкие, как будто сделаны для велосипедистов. Они давно и безнадёжно зарастают травой, которой уже всё равно, чем подсыпали дорогу, что становилась дорожкой, а затем просто направлением. В то же время внедорожник был большим, неуклюжим. И мне пришлось буквально втискиваться между кустов и деревьев, постоянно слушая как ветки скребут по корпусу. У отца бы от таких звуков зубы скрежетами, но я просто пытался не застрять в узком проезде. Так как выезд на улицу один. А тот другой у леса зарос и давно никуда не ведёт. А ещё я пытался разглядеть на какой участок можно заехать, снеся забор, чтобы развернуться. Чтобы обратно задним ходом не сдавать сотни метров среди густой растительности.

Как по мне, так лучше видеть кого давишь.

Дача дяди Паши была двухэтажная, с пристроенным смотровым балконом, на который он поднимался по лестнице, чтобы заглядывать за сплошной забор. Собранный из кусков железа, шифера, дверей и досок, он принципиально не позволял заглянуть соседям к себе на участок, тогда как сам мог наблюдать за ними сверху, раздавая советы и покрикивая на лентяев. Под настроение.

Ворот у дачи не было, свой автомобиль дядя Паша давно продал в силу возраста и предпочитал передвигаться пассажиром на автобусе, если никто не мог подвезти. Но калитка представляла собой произведение искусства и весила как добротная стальная дверь, ещё и сама закрывалась на пружине. Большая, тяжёлая, странная, она как никогда теперь подходила под обстоятельства нового мира. А для облегчения открытия главного и единственного входа к калитке было приделано колёсико, что не позволяло ей провиснуть, в то же время не нужно было подкапывать каждый год или подсыпать, чтобы забраться внутрь или никого туда не пустить. Сама калитка крепилась на пару стальных труб и хоть тараном её выноси. Но сразу не получится. Да и массивный замок, спрятанный в углубление, сразу не выпилить, не вскрыть. Спрятанный от дождя, снега и взломщиков, он предлагал сначала как следует с ним повозиться.

При этом дядь Паша никогда не носил на дачу ключи. И на механическом замке стоял код из четырёх цифр. Конечно, он говорил мне их. Но мне бы вспомнить!

– А что, его нет на даче? – сразу поняла Мариша, глядя как я припарковался у высокого забора и застыл у входа, бесполезно перебирая в руках циферки замка.

– Раз на дужках висит замок, значит нету, – пробубнил я, но на всякий случай крикнул. – Дядь Паш! Вы тут?!

В ответ – тишина. Хоть прыгай в машину и сдавай назад до самой остановки. Дальше дорога всё более заросшая, по-

ка не превращается в сплошное травяное море. Крайняя дача обитаемая. Но туда ведёт совсем узкая тропка-колея. И та зарастёт, стоит трудолюбивой пенсионерки, дети которой давно уехали вместе с зятем, который раньше косил всё вокруг, бросить дачу, махнув на неё рукой.

Крикнул ещё раз. Снова – тишина. На этот раз абсолютная. Ведь двигатель автомобиля, который только что работал, вдруг заглох. И мы с Маришей синхронно рты пораскрывали.

– Что случилось? – первой спросила она.

– Похоже, бензин кончился.

– Но ты же говорил тридцать километров, а мы проехали едва ли... пару-тройку.

Спорить было бессмысленно, надо думать. В поисках ответа принялся ходить вокруг да около. От травы позади автомобиля пахло бензином. Я припал на траву, заглянул под автомобиль, затем обратно на трассу, обнаружив мокрые колоски и понял, что по траве тянется шлейф из бензина.

– Твою мать! Бензобак пробило. Или бензонасос.

– На остановке?

– Нет. Похоже, когда я в дерево врезался задним ходом.

– Можно починить? – сглотнув, с надеждой в голосе спросила Маришка.

Говорят, безвыходных ситуаций не бывает, но через СНТ ещё с десятков остановок тянется до выхода на семь километров. А потом ещё восемь километров по гравийной дороге

пешком идти до железнодорожного перехода. Потом кто куда. Кому в город, ещё пять-семь километров. Кому в микрорайон за городом – столько же по жилому сектору. Итого, двадцать. Пешком. С гипсом. Без костыля.

– Может, и можно, если найти дырку. Заклеить там, если не удастся запаять. Залить жидкой резиной, использовать супер-скотч или вроде того, – отставил я пораженческие мысли, но они навалились снова. – Но где нам при этом взять новый бензин?

Она замолчала, обдумывая ситуацию. Я открыл багажник и потряс бензотриммер. Сам он тяжёлый, но в баке бултыхается едва ли миллилитров двести-триста. Не пойдёт. Внедорожнику только кашлянуть. При этом сам автомобиль напроць перекрыл дорогу, а из оружия в кармане только открывашка и бесполезный телефон.

– Твой велосипед далеко? – тихо спросил я, пытаюсь помочь хотя бы девушке.

– Ну, когда я его в последний раз видела, был перед этой красной остановкой, припомнила девушка. – Но на неё я обратиться не успела, дальше побежала.

– Тогда надо выйти к остановке и найти его. А дальше сможешь прорваться к выезду и, может, позвать на помощь.

Она кивнула, но глядя на мой гипс и уставший вид, добавила:

– Давай-как я сама схожу к остановке. Я легконогая, быстрая. А ты пока тут побудь. Вдруг дядя Паша вернётся?

– Разумно. Я тогда попытаюсь пробраться внутрь. Должно же быть у этого забора слабое место, – прикинул я, но перед тем, как отпустить девушку обратно по дороге, отдал ей открывашку. – Вот, держи. Вдруг пригодится. К сожалению, ничего более похожего на оружие у меня с собой нет.

– Да я лучше убегу, – ответила она, но открывашку всё же взяла. Никогда не знаешь, что по жизни может пригодиться.

Очень скоро я некоторое время наблюдал её спину, пока кусты, трава и деревья не скрыли от меня и её. Блуждая же вдоль забора, я понял, что могу пробраться на дачу через соседний участок. У этого хозяина лицевой забор стоял сплошняком, но ограждение между соседями было весьма символическое, там стоял лишь деревянный забор. А оторвать пару досок не так уж и сложно, как по мне. Но едва я стал шатасть возле соседского забора, рассчитывая дойти до края и прорваться с тыла, как ближайшие кусты зашевелились!

Резко повернувшись, лихорадочно соображал в какую из сторон бежать. Ну как бежать? Быстро ковылять! Но бежать никуда не пришлось.

– Дядь Паша! – признал я в маленьком, пузатеньком дедушке с красным лицом соседа по дому.

– Костюничик! – воскликнул он, тяжело дыша. – Вот уж заставили меня побегать эти черти лысые. А ты чего здесь?

– Да вот, хотел вас забрать... да не вышло, вздохнул я, показывая на внедорожник.

– Давай на дачу зайдём. Умыться надо, – отмахнулся он

и тут же набрав на замке код, отомкнул калитку. – Заходи, гостем будешь.

Вскоре я узнал, что в расстояние в одну остановку влеза-ет девять улиц, сам же дядя Паша преодолел восемнадцать участков, полные травы и зомби, двигаясь напрямки. Но ни одного человека по пути так и не встретил. Потому был рад услышать историю о Маришке.

– И где она?

– Да на остановку пошла, за велосипедом, – ответил я, ко-гда напились вволю воды, привели себя в порядок и взобра-лись на смотровой балкон, чем являлась площадка на вто-ром этаже. Хотя формально это была мансарда.

– Это я понял, но почему так долго? Тут идти-то метров пятьсот. А она молодая. Уже десять раз бы туда-сюда сбегала, – заметил дядь Паша, в свои седые годы обладая анали-тическим мышлением и уважая логический подход. Это по-мимо помидоров, которые вдоволь растил на участке, каж-дый год заваливая урожаем всех соседей по подъезду. Вот и сейчас я видел много подвязанных растений по участку, где уже зрели плоды... а Маришки не видел.

Сердце заныло в нехорошем предчувствии. Но что де-лать? Идти за ней? Определённо, но нужно сделать хотя бы подборку.

– Дядь Паш, а у вас нет какой-нибудь не нужной лопаты? – обратился я, рассчитывая получить хотя бы черенок, а луч-ше новые вилы. – Мне бы какую-нибудь палочку, чтобы лег-

че ходить.

– Есть. Всё есть. И это... давай переоденем тебя, пока совсем не сгорел. У меня где-то была старая рубаша. И штаны должны быть, – улыбнулся добродушный старик и пошёл перебирать инвентарь и рыться в дачном гардеробе, тогда как я остался на площадке, подставляя голую спину ветру. Вот уже полдня, как по-прежнему хожу по СНТ в шортах и носках. Гипс же стал похож на погрызенную собакой кость, посерел по бокам, а пятка так просто чёрная, включая и мою стопу.

«В баню бы», – мелькнула разумная мысль и тут я допустил ошибку – почесал под гипсом, просунув палец.

Ноге стало так хорошо, что тут же захотелось ещё. Тогда я поднял валявшуюся палку и просунув поглубже под гипс, почесал ещё. Заживает и чешется так, что сил никаких. Ещё и комары накусили, трава оставила ссадины. После того, как наползался, зудит и чешется даже здоровая коленка. А насколько вспотела нога под гипсом на суете, можно себе представить.

Пока чесался, на дороге показалась Маришка. В одиночестве. Без велосипеда. С понурым видом опустив плечи, она брела без энтузиазма. Но едва увидела меня, как помахала рукой.

– Сюда! – указал я на калитку и тут же принялся спускаться на скорости.

Доска под ногой хрустнула, но удержалась. Едва не полетел вниз, но вовремя удержался за перила.

«Так, и куда это я спешу? Снова в травмпункт? Или скорее, зомби-пункт»?

Встретить у калитки Маришку вышел и дядь Паша.

– Здравствуйте, – поздоровалась гостья, переходя порог.

– Добрый день, Мариша. Проходи, чувствуй себя как дома, – улыбнулся дед и протянул мне рубашку. – А ты нака, примерь. А то скоро пекло полуденное начнётся в уголёк превратишься.

Следом он протянул мне и штаны, но я лишь покачал головой.

– А я не смогу их одеть... пока не могу, – объяснил я и постучал по гипсу.

– Хозяин-барин, – добавил дядь Паша и следом протянул мне пику.

Точнее, это походило на пику, а при ближайшем рассмотрении оказалось пожарным багром. Ещё таким можно было вытаскивать брёвна из реки или спешивать всадника с лошади. На довольно длинной палке торчал и крюк, и остриё.

– Я им лет двадцать назад рыбу зимой из-под льда вытаскивал, – объяснил старик, погружаясь в ностальгические воспоминания. – А тридцать лет назад пожар в части тушил. Мы тогда склад с солдатами буквально по бревнышку растащили, пока боеприпасы не рванули. Вовремя успели.

Рубашка оказалась просторной, удобной. Накинув её на плечи, я понял, что они уже зудят. Ночью всё будет чесаться, облазить.

«Да только сметаны в СНТ ни у кого нет. Холодильники не работают», - грустно подумал я, но тут дядя Паша снова огорошил:

– Так, ну а чего это мы тут у крыльца стоим? Пойдёмте завтракать! Я первых помидор нарвал. А огурцов у меня и так целый таз. Сейчас лука только покрошим, маслица добавим и салат готов.

– Ой, вы так вкусно говорите, ну как тут отказаться? – улыбнулась Мариша и невольно сглотнула слюну. А затем достала из своего рюкзака четвертинку хлеба. – Бутерброды с колбасой и сыром я ещё ночью у костра съела, но хлеб остался. Не весь на палочке спалила.

– Хлеб – всему голова! – добавил дядь Паша и тут же его порезал на равные части старым ножом, отыскавшимся на даче, всем выделив по кусочку. – И пока у нас есть в доме соль, мы не пропадём.

Это был самый необычный завтрак в моей жизни. Войдя в дом дяди Паши, мы сидели за широким столом, заваленным зеленью, редиской и кабачками и ели салат из огурцов-помидоров с довольно чёрствым, но всё же хлебом. Макали корку в широкую общую тарелку и с каждым разом было всё вкуснее. Подсоленные овощи давали сок, а масло с луком насыщали блюдо.

– Ну, Мариша, нашла велосипед-то? – первым отвалился от стола хозяин, тут же поставим кипятиться чайник на газовой плитке в углу.

В заварку пошли листья чёрной смородины, мяты и шепотка чёрного. А на выходе получился душистый, наваристый витаминный настой, который был хорош и без сахара. И конфет. И печенья. Так как всё это дядя Паша предпочитал употреблять дома, а на дачу приезжал исключительно ради овощей и ягод, ими же и питался, ничуть не доверяя даже сухой лапше.

– Да как в воду канул! – пожаловалась девушка. – Пришла, трава примята. Вроде там валялся. Но нету... Угнали.

– Ну ничего, другой найдём. Сейчас время такое... началось, – отхлёбывая горячий чай, говорил дядя Паша и посмотрел на меня в больших сомнениях. – В лес надо сходить. За грибами. Белых наварим на обед с молодым картофелем, наедемся. Суп наваристый получается. А если подосиновиков-подберёзовиков наберём, пожарим вечером. Несколько газовых баллонов у меня ещё есть, хватит. А не хватит, костёр разведём. Небольшой.

– А если зомби нагрянут? На костёр-то! – приподняла бровь Маришка.

– Да они в любом случае нагрянут. Вопрос только в том, как теперь к этому относится, – хмыкнул дядя Паша, пока я кивнул. Но он тут же добавил. – Но ты в лес не пойдёшь. Тебе наклоняться неудобно.

– Так я пикой насаживать, – добавил я с улыбкой, но дядя Паша уже как следует осмотрел гипс.

– Нет, он и так на ладан дышит. Сломаешь ещё, потом

кость сместится. Зарастёт ещё что-нибудь не так. Ты и без этого уже набегался. А мы с Маришкой на раз-две метнёмся. Правильно я говорю, Мариш?

– Конечно-конечно! – поддержала она и тут же добавила. – А ты наш пост охраняй. Кто сунется – на пику его!

Закрыв калитку на засов, мы впервые за последнее время чувствовали себя в безопасности за высоким сплошным забором.

– У соседа баня есть, вечером истопим, помоемся, – тут же развеял все сомнения в этом мероприятии дядя Паша. – нам бы только ресурсов запасти, чтобы подольше протянуть. Ну а дальше видно будет.

– А в город мы не поедём?

– А стоит ли сейчас соваться в город? – ответил вопросом на вопрос дядя Паша и я тут же представил толпу зомби на каждой улице. Тогда как в СНТ их не так уж и много. – Там же сейчас анархия, хаос, наверняка. А может и перекрыто чего, как бывает при эпидемиях и чрезвычайных случаях. А здесь у меня помидорки спеют. Рви, да ешь. Одному мне много не надо, так что оставайтесь, обдумайте всё. А потом уже действуйте, прежде чем в пекло соваться.

Мы переглянулись с девушкой. Я задумался, а она уже кивнула и тут же вытрясла все вещи из рюкзака.

– Хорошо, тогда я уже знаю куда грибы можно складывать.

– А я ведро прихвачу и панамку, – добавил довольный дядя Паша, как будто к нему внуки на лето приехали и с дело-

вым видом принялся собираться за грибами.

Если подумать, то варианта всего два. Либо вернуться на центральную дорогу и гарантировано застать зомби (один из них может быть даже на велосипеде!), пока будем ковылять к выезду вдоль залива реки, либо пойти по улице в другой конец, к лесу и набрать грибов и дать миру время, чтобы самому со всем разобраться. А ещё можно нарвать ягод у соседей, выкопать картофеля, сколько унесёшь, и в целом прошвырнуться по дачам в поисках чего полезного. Газовых баллончиков, консервов и сахара, например. А всё это времени требует и сил.

Оставшись за сторожа, я закрыл за грибниками калитку и подлив в кружку ещё душистого чая, пытался понять, как быть. А чтобы лучше думалось, забрался на площадку на уровне второго этажа, чтобы лучше думалось.

Зомби вокруг не видно. Хоть костёр разводи. Возможно, днём они не такие активные. Солнце теперь жарит как на гриле, на небе ни облачка. А чем ближе полдень, тем будет только жарче.

Обнаружив на смотровой площадке бейсболку на гвоздике, я присел на старый, ржавый шезлонг из брезентового покрытия и блаженно вытянул натруженную ногу. Сижу, конечно, не на солнце, спрятался в тенёк. Теперь надо просто двигать шезлонг, чтобы не попадать под прямые лучи, вот и вся вахта.

Итак, какова наша ситуация? Связи у нас нет, информа-

ции о том, что случилось и что творится в городе, нет. Есть провизия, кое-какое оружие, можно сделать припасы и раздобыть другой автомобиль. В СНТ хватает водителей. В основном это старики, которые пока не настолько старые, чтобы кататься на автобусе, где явно доминируют пожилые женщины и откровенные старухи, большая часть из которых либо давно вдовы, либо «А что дети-внуки, дети-внуки работают, им эта дача на кой?».

Конечно, в качестве разведки можно было послать велосипедистку к выезду из СНТ. Там наверняка должны быть ещё люди. Не трое же они выжили. Но велосипед пропал.

– Это, кстати, может быть ещё одним доводом в пользу выживших, – пробормотал я, вымотавшись на солнце за день и теперь поплыв в теньке. – Если кто-то спёр, значит кто-то жив.

И под убаюкивающий прохладный ветерок в лицо я понял, что спешить сейчас не стоит. Да и время – лечит. С чем погладил гипс и поудобнее устроился в шезлонге с багром на коленях.

Глава 6. Полундра!

Зомби, искалеченные и лишённые всякой человеческой сути, бродили по опустошённым улицам. Их глаза, полные безумия, искали ослабевшую жертву. Как хищные птицы-падальщики, жаждущие крови, они нападали на всё живое, делая неживым, но НЕ мёртвым. Убитые и заражённые вставляли вновь, плодя и без того быстро развивающуюся армию.

В ту ночь мир погрузился в хаос. Гулкие звуки взрывов разрывали тишину, как будто сама природа вздыхала с горечью, наблюдая за тем, как человечество, некогда возвышавшееся на пьедестале своих амбиций, скатывается в бездну разрушения и пожирает само себя, откатываясь в Средневековье, а затем старательно загоняя себя в Каменный век.

Зомби множились час от часу! Эти создания были порождением страха и ненависти, результатом чьей-то чудовищной ошибки. Науки ли, медицины или врагов, осознанно выпустивших вирус вдоль нашей границы, никто уже не мог сказать наверняка. Но следствием было то, что вой зомби отныне разносился по пустым площадям, где когда-то звучал смех и радость. А взрывы ядерных бомб разрывали землю и вздымались в небо, оставляя за собой грибы. Увы, не те, что растут в лесу и пригодны в суп и на сковородку, а те, что как зловещие цветы распускались на фоне закатного

неба. Но каждый видел их лишь на мгновение. «Счастливи-
ки», что протянули после этого часы или даже дни, были не
в счёт. В процентном отношении по сравнению с прошлой
популяцией они исчислялись единицей после множества ну-
лей после запятой, перед которой тоже стоял ноль. Ноль вы-
живших!

Пепел как серый снег после извержения вулкана, падал на
землю, укрывая всё уцелевшее своим мрачным, неприхотли-
вым покровом. И город, некогда бурлящий жизнью, теперь
стал кладбищем надежд и мечтаний, где каждый уголок таил
в себе горечь утрат, а по сути превратился в одно большое
кладбище... Кладбище, где не было покоя мёртвым!

Среди этого хаоса брели лишь седой старик. Он был по-
следним из тех, кто помнил о том, как было раньше. О про-
шлом мире во всём его величии и перспективах. И стоило
старику поднять какую-то уцелевшую вещь среди груд мусо-
ра, как в глазах выжившего периодически вспыхивал робкий
огонёк воспоминаний о былом, о важном. Но и он затухал
минуты спустя, как последняя искра в тёмном туннеле.

Старик бродил по опустевшим улицам, собирая обрыв-
ки воспоминаний, словно осколки разбитого стекла, пыта-
ясь найти смысл в этом безумии, но по сути лишь продле-
вал агонию тяжёлой жизни. Он искал не только средств вы-
живания, но самого искупления и всё ещё верил, что даже
среди мёртвых, среди тех, кто потерял свою человечность,
есть возможность для спасения и однажды они снова обре-

тут прошлый облик. Ведь кто-то обязательно должен найти лекарство. Сыворотку, что обернёт всё вспять и сделает мир если не прежним, то хотя бы вновь лишь живым и мёртвым, забыв про пограничное состояние.

Напевая под нос и роясь среди мусора, чем конкурировал с крысами и тараканами, старик мечтал о том, чтобы однажды в этом мрачном мире снова зазвучала живая музыка и все уцелевшие люди пустились в пляс, вместо того, чтобы грызть друг другу глотки за то небольшое, что осталось. Танцы, но не страх и ненависть. Объединение, но не ужас вокруг!

Но мир вокруг странника продолжал погружаться в пучину безумия, охваченный эпидемией зомби и укрытый ядерным пеплом, пока однажды ракета не взлетела высоко в небо и над городом, где брёл одинокий старик. Взлетела, чтобы следом упасть на центральную площадь. И глядя на последний гриб в своей жизни, старик лишь устало улыбался, пробурчав:

– Ну наконец-то!.. Костюня, ты где?!

Я подскочил, едва не улетев с шезлонга.

Отключился!

– Костик, ты где?! – слышался и другой голос, помоложе.

Поднялся во весь рост, выглядывая из-за перил. Маришка с дядь Пашей идут от калитки с красными, усталыми, но довольными лицами. У него полное ведро грибов. У неё рюк-

зак едва закрывается.

– Я тут, тут! – отозвался я, оглянул округу, потянулся и поспешил спуститься.

Сердце всё ещё тревожно стучало, тело в липком поту. Но неприятное ощущение приснившегося ужаса постепенно отступает. И глядя на целую гору грибов на пакете у веранды, хочется только порадоваться успеху.

– Ого! Ничего себе вы набрали, молодцы! – сказал я хриплым голосом, пытаясь не думать о том, что могли впитать в себя грибы в лесу, если где-то рядом уже произошла ядерная бомбардировка.

– Я мокрый как чёрт болотный, – добавил дядя Паша и тут же раздал ценные указания. – Накачаю пока воды в душ, позже помоемся. А вы пока берите по ножу в руки и за дело. Их ещё предстоит почистить и промыть перед тем как варить и уваривать. Так что мороки хватает.

Маришка не спорила. Я вовсе чувствовал вину, что не пошёл с ними и первым подхватил ножик, принявшись за дело.

– Как там в лесу? Зомби нет? – спросил, едва она присоединилась к общему делу.

– Не видели, – ответила девушка и тут же вздохнула, вывалив на стол и россыпь голубики.

Собрала с кустов, коих водилось среди тех широт немеряно. Собирай – не хочу. Только доберись до кустов сначала. На машине не проехать, увязнет и мотоцикл. Разве что на вездеходе, да где его взять?

– Мы дошли до самого края леса, – объяснила девушка, закинув пару ягодок в рот. – Дальше топи и болота. К трассе сразу не пройти. Там километров двадцать среди комаров и болот шагать. Очень тяжело идти по колено, а то и по пояс, среди рогоза и кочек. Ты вообще не дойдёшь с гипсом. Ноги засасывает.

– Мы называем это заливными лугами, – чуть улыбнулся я, прекрасно понимая, что если надо будет прорываться из СНТ, то готов ползти ужом среди этих топей.

Но те, кто закладывал участки под дачи, создали идеальную ловушку. Вход-выход на территорию СНТ вдоль по большому счёту горной реки один, дорога одна. По самой реке без моторки не проплыть, и делать нечего. На плоту на другую сторону не перебраться, даже если проплыть вдоль залива к самой реке, дальше унесёт течением в холодную воду, откуда уже не выгresti и хорошему пловцу. Каякеры и любители байдарок назвали бы это последней и предпоследней категориями сложности.

«А у нас и спасательных жилетов нет, и каноэ ещё вырубить из дерева надо», – подумал я горько и тоже закинул пару ягодок в рот для сладости.

Кисленькие. Утоляют жажду, притупляют голод. Придают сил.

Единственный вариант выбраться из СНТ, минуя петляющую среди песчаных карьеров дорогу, это дожидаться зимы, пока все притоки замёрзнут. И вот уже по ним выйти к ре-

ке, причём желательно в январе, когда льдом на месяц-другой даже горная река покроется с её быстрым течением. И вот тогда можно перейти в соседний посёлок на другом берегу, где и стоит вышка связи. Во-всяком случае, когда дачники оставляют дачи зимовать, местные «металлисты» по ту сторону так и делают, наведываясь в СНТ за металлоломом. И ладно бы просто старое железо вдоль заборов забирали, так нет, печки вытаскивают, листы металла, бочки на санях и волокушах вывозят, а если поставишь железный забор, то по весне только его и видели. Никаких следов, конечно, едва растает снег, уже не остаётся. Полиция бессильна. В лучшем случае не разобьют стёкла в доме, оставив в покое старые лопаты и прочий инвентарь. В худшем же нагадят прямо на пороге. Из вредности. Таковы некоторые люди. В то же время нет таких камер безопасности, что спокойно проработали бы полгода автономно, снимая дачи и всех, кто ворует. Потому что света нет. Этим и пользуются.

Но куковать в СНТ до зимы у нас не выйдет, прекрасно понимал я. Если дрова запасти можно, и заготовить припасов получится, включая соль и спички, то с одеждой сложнее. Нет, конечно понятно, что из старых штанов и курток можно сделать робы с подшитым подкладом и сносные шапки, а вот с обувью уже сложнее. В лучшем случае на даче обнаружатся сапоги. Но не зимние, а резиновые. В крайнем случае – демисезонные. А уповать на то, что подойдут по размеру – не стоит.

– Тогда сделаем воздушный шар и улетим отсюда, – добавил я в раздумьях, отправляя очередную очищенную ножку в кастрюльку на промывку и едва не добавив «к чёртовой матери».

– Куда полетим? – всё же хмыкнула Маришка, быстро обгоняя меня с большим и неуклюжим аналогом тесака своим маленьким ножечком в процессе очистки грибов.

– Да куда ветер подует, – пожал плечами парень с гипсом, который так далеко не планировал.

Но очень хотел всем помочь. По крайней мере, пока не расцвели грибы в небе, у нас ещё есть шанс. А вот потом уже никаких шансов не будет.

– Так, молодёжь, – вскоре вернулся дядя Паша. – Вода уже в душе. Холодная, зараза, но к вечеру нагреется. Бак алюминиевый, солнце жарит. На закате в кипятке купаться будете.

Третьего ножа на даче не нашлось, поэтому он уселся в любимое кресло-качалку и начал сыпать историями из жизни и анекдотами. А за этим разговором мы быстро дочистили и отварили грибы, а когда прокипятители второй раз, в ход пошла молодая картошка, морковка, лук, укроп, дикий чеснок и немного соли с перцем. На выходе же в чане бурлила сама квинтэссенция из сил земли и даров леса, которой и отобедали как следует, после чего определили график дежурств на смотровом балконе.

Сменяя друг друга каждый час, мы последовательно укрепили обороноспособность забора, обзавелись персональным

оружием ближнего боя и глядя на то, как жарится на сковороде картошка с грибами, строили планы на завтра.

– Надо разведать обстановку, – выступал в роли первого тактика и стратега дядя Паша. – если мы не видим людей в СНТ, это неспроста. Что это значит конкретно, Костюня?

– Что? – повторил я.

– А то, что автобус на дачи не добирается. Ни один из трёх маршрутов. А это значит, что? – старался настроить нас на мысленный процесс дачный генерал.

– ...что им что-то мешает, – первой смекнула Маришка.

– Именно! – добавил дядя Паша, дуя на ложку. – Теперь важно понять, мешает ли это что-то в городе, по дороге, или в самом СНТ? А для этого нам и нужна разведка. Боем, если потребуется. Но вступать в бой имеет смысл только, если столкнёмся с малыми силами. Одним-двумя зомби, например. Таких можно выводить из строя погода, подстраховывая друг друга. Так что предлагаю хорошо выспаться, а завтра, ни свет, ни заря, подняться и идти к остановке и дальше, пока что-нибудь не выясним. Идёт?

План звучал разумно, поэтому никто не возражал. Так же сменяя друг друга, мы расположились на ночлег в большой комнате. Там стоял старый диван, что раскладывался на две части и тахта, которую скорее использовали под хранение вещей. Дядя Паша занял тахту, а нам предложил сменять друг друга на диване, пока не придёт его очередь дежурить. Ночная смена растянулась от часа до двух, что предполагало че-

тырёхчасовой сон в перерывах между ночными бдениями и старик отправился на дежурство первым, провожая солнце на запад.

По жребию мне выпало дежурить третьим, так что я сразу отключился на диване, а когда меня растолкала Маришка среди ночи, сразу поднялся без споров и понял, что хорошо выспался.

– Давай, твоё время пришло, – зевнула она и сразу улеглась на моё место, не раздеваясь.

Понять можно, нагрето. А после душа, сытного ужина и всех приключений спал как убитый.

На улице свежо, никаких комаров или прочего гнуса, зато меня удивил новый феномен. Повсюду летали... светлячки!

Эти маленькие крылатые существа светились не постоянно, но с интервалом в три-пять секунд, что позволяло пролететь им около метра, (если не мешал ветер) и «загореться» снова, создавая подобие азбуки Морзе, разве что состоящей из одних длинных тире. Таким образом то здесь, то там вспыхивали новогодние огоньки, делая ночь волшебной и захватывающей внимание. Редко, но пели ночные птицы. Лес шумел листьями, а над верхушками дальних сосен в лунном свете кружила сова. Летала она бесшумно, но размах крыльев позволял увидеть ночного хищника среди деревьев. В ночном, почти безоблачном небе ни облачка. Полумесяц яркий, хорошо видно звёзды и Млечный путь. Всё ещё летают спутники, двигаясь в основном по низкой орбите. Космосу

вообще нет дела до суеты на Земле.

Лёгкий ветерок прошёлся по загорелой коже. Немного подмораживает, но состояние тела удовлетворительное. Дядь Паша загодя оставил нам в шезлонге старый бушлат, жаркий, но мягкий днём и тёплый в ночи. Хочешь – укрывайся, хочешь – сиди на нём.

Такое дежурство мне нравилось. В какой-то момент, совсем зазевавшись, включил телефон. И с сожалением взглянув на дисплей, покачал головой. Заряда осталось семь процентов. Часы показывают уже пол третьего ночи. Осталось полчаса дежурить и можно на боковую. Никаких происшествий за ночь, отлично!

Но едва взгляд потерял дорогу за забором и скользнул по ближайшему лесу, где когда-то был соседний участок, а теперь лишь деревья, как обомлел. Он него в нашу сторону двигалась сразу дюжина зомби! Трава скрывает движения, но лунный свет – наш союзник. Обозначил тела, а вместе с тем ветер донёс этот гул монотонных рыков, рёва и хрипов, что можно было обозначить как уже ставшую привычной «речь зомби». И он всё приближался, пока доски от забора не начали трещать под весом не живых тел.

– Тревога! – закричал я, так как молчать уже не имело смысла. Зомби двигались прямо на самый слабозащищённый участок с едва закреплёнными досками. – Подъём! Эм... полундра!

Первой из дома показалась Маришка с сапёрной лопаткой

в руках. Мы заточили её до остроты ножей. Маленькая, лёгкая, вёрткая, она отлично подходила девушке в этих условиях. Дядь Паша выскочил с двуручным топором-колуном, которым можно колоть огромные чурки, а можно разбивать головы зомби как перезрелые тыквы. Я же спустился с балкона с багром наперевес, за него же придерживаясь.

– Что будем делать? – бросил погода, пересчитывая ступеньки.

– Сколько их? – потёр сонное лицо дядя Паша, перехватывая топор поудобнее.

– Где-то дюжина!

Хруст досок по забору нарастал. Ограждения падали, дав нам несколько дополнительных минут на раздумья.

– Они же мне все помидоры потопчут! – возмутился дядя Паша и пошёл на первого в атаку.

– Нет, помним о тактике, вы же сами говорили. Их слишком много. Отступаем! – обронил я и отодвинул рукоятью багра хозяина дачи.

Выйдя за калитку, выбор был не велик. К лесу по дороге, чтобы увязнуть рано или поздно в болоте. К соседним огородам, чтобы устать блуждать среди ночи или по дороге к остановке, чтобы осуществить задуманное утром, но раньше на пару часов.

– Идём к остановке! – решил я за всех, пока дядь Паша не сошёл в рукопашную за помидоры с зомби, а Маришка зевала, открыв рот так широко, что вот-вот светлячок зале-

тит, подсветив изнутри не хуже рентгена.

Мы прошли метров сорок, когда зомби начали ломиться в забор изнутри. Не многие из них сразу обнаружили калитку. Несколько ломанулось в дом и к соседям, так как вскоре слышался грохот ломаемой деревянной теплицы на участке соседа дяди Паши.

Отступая почти организованно, я сожалел лишь об одном, что не впихнул в себя ещё полпорции картошки с грибами. Силы бы мнегодились. Но переедать впрок тоже не стоит. Однако, дежурство приучило держать при себе всё самое ценное, в том числе и нож, который мне подарил старик, как человеку, «который почистил больше всего картофеля».

Полкилометра до остановки по улице проскочили почти незаметно, сонный мозг даже не заметил расстояние, а в ночи по прохладе путешествовать среди лета гораздо легче, чем под палящим солнцем. Выйдя на центральную дорогу, не сговариваясь, мы свернули влево, к следующей остановке и успели преодолеть ещё метров триста, когда тишину ночи вспороли типичные для зомби звуки, к которым добавилось чавканье в кустах.

«Неужели я так же ночью хомячу»? – невольно подумал я, пока дядь Паша всех не остановил.

– Стойте! Дальше нельзя! Там – толпа!

Звуки приближались, становились отчётливее. Добавился чей-то одинокий вскрик, затем снова чавканье.

Мы замерли, прислушались и снова не сговариваясь, по-

вернули назад. Но зомби с целыми руками и ногами, которые нагоняли нас по второстепенной улице, оказались проворнее. Неутомимые, гонимые жаждой самой смерти, они тоже высыпали на дорогу и замкнули ловушку, взяв нас в полукольцо. Так центральная дорога оказалась отрезанной, а со стороны дач тоже приближались подозрительные звуки.

– К реке! – коротко бросил дядя Паша, и не дойдя к его остановке полсотни метров, мы ломанулись через поросли по склону к реке, куда многие дачники долго и старательно скидывали мусор в ожидании автобуса или зачищая собственный участок, если не могли сами его сжечь или вывезти.

Если всё деревянное гнило, ветки прели, а бумага горела, то пластик, стекло и металл сдаваться не желали. Поэтому спускались мы по крутому откосу с постоянным риском распороть конечности стеклом, жестяной банкой или чем похуже, от чего рана сразу загноится, если вовсе не поймаетшь мгновенный столбняк. Ощущая, что порой проваливаюсь в никуда, я цеплялся багром за всё, что только можно и пытался просто никого им не распороть, заодно и самому не проткнуться.

Спустившись к протоке реки под остановкой, мы тут же завязли среди высокой травы и холодной воды. Что делать дальше, никто не понимал, вода холодная. А идти вдоль берега почти невозможно. Ещё и ничего толком не видно. Но белый цвет среди темноты хорошо выделялся. Поэтому едва

дядь Паша обнаружил кем-то выброшенные пенопластовые листы, как уцепился в них как в единственную возможность. И нам было всё равно, в чём они, плесени или гнили.

Главное, уцелеть!

– Маришка, лезь на пенопласт и плыви! – крикнул старик, в руках которого я уже не видел топора. То ли потерял, то ли бросил, пока спускался.

А шум зомби всё ближе. Они тоже начали спускаться к реке!

– Но я не умею плавать! – только и сказала Маришка, быстро засунув лопатку в рюкзак и закинув за плечи.

– Главное, держись за него покрепче, пока эту ораву не обплывём. А ты, Костя, хватай свой кусок и придерживай её багром. Так друг друга и поддерживайте, так не перевернётесь!

Подхватив кусок и окунув ноги в воду, я понял, что переворачиваться никак нельзя. Багром упёрся в берег, заползая на пенопласт как на доску для сёрфинга. Получилось с первого раза, ведь рядом на воде уже плыла Маришка, быстро уносимая течением. Думать некогда, всё в одном сплошном действии. Сунул ей в руку багор, крикнув:

– Держи и держись!

Так и поплыли по течению вдоль мелькнувшей остановки и ниже, стараясь не потерять друг друга из виду и просто удержаться над водой в темноте ночи. Гипс тут же намок, лунная дорожка на воде пропала, ориентиры все сби-

лись, страхом пронзило тело. Мы боролись за свои жизни, пытаясь сделать только одно – выжить!

Где-то на периферии паникующего разума, слушая судорожно бьющееся сердце и по уши прокачавшись адреналином, я вдруг понял, что дядя Паши рядом нет.

Он остался на берегу.

Глава 7. Мокрые до мозга костей

Быстрое течение пронесло мимо остановки как щепку в ливень по бурлящим канавам. Холодная вода, поступающая в реку с полей и от вод глубинного залегания, впиалась в ноги и руки, покрыла мурашками кожу под одеждой. Одежда быстро стала неприятной, как будто под неё снега напихали, а ты терпи. Но даже спустя несколько минут такого плавания терпение наше быстро заканчивалось.

Сначала я просто пытался не потерять Маришку из виду, до белизны в руках сжав рукоять багра и стуча зубами от холода. Но у протоки были свои планы и на первой излучине меня треснуло о притопленное дерево, а Маришка поплыла дальше, крича на всю округу:

– Не оставляй меня!

С перепугу бросив пенопластовый плотик, я понял два момента. Первый – берег рядом, но второй – я не чувствую ногой дна.

Тут же уйдя под воду с головой, оттолкнулся рукоятью багра от дна и используя эту опору, подвинул себя к берегу. Бешено хватая ртом воздух, уцепился одной рукой за траву у берега, а другой рукой ткнул в проплывающий мимо меня белый плот.

«Холодно! Как же холодно»! – стучало в голове, пока пы-

тался загарпунить хорошо различимую в темноте мишень, но при этом не проткнуть багром человека на нём.

Задача не из лёгких, так как саму Маришку не было видно из-за рюкзака и тёмной одежды.

– Где ты? Где?! – кричал я в темноту, пытаюсь ориентироваться на голос.

– Тут! Здесь! – отвечала она, пока я не подцепил край импровизированного плота крюком.

Пенопластовый утеплитель и так на ладан дышал, а когда его пронзило железо, окончательно сдался и развалился с края. Плавуность тут же была нарушена, и Маришка окунулась в воду, принявшись тонуть. Точнее, плыть уже под водой, притопленная рюкзаком с грузом и мокрой одеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.